

The book cover features a teal background with a large, stylized black silhouette of a woman's head in profile, facing left. The silhouette is filled with intricate patterns, including a prominent spiral in the center of the forehead. A smaller spiral is visible on the neck. The hair is depicted as thin, branching lines. A small, bright starburst is located near the ear. In the lower right, a smaller silhouette of a man's head is visible. The overall aesthetic is artistic and abstract.

И. ПУСТОВОЙТ

ПО
ВО
ДЬІРЬ

18+

И. ПУСТОВОЙТ

ПОВОДЫРЬ

«Автор»

2026

Пустовойт И.

Поводырь / И. Пустовойт — «Автор», 2026

Что делать, когда привычный мир начинает рушиться? Мир, в котором ведьмы-калухи держат реальность силой своей магии, начинает таять. Что случится, если одна из них окажется сильнее, чем думает? Мир, в котором голландский художник бежит от своего дара так быстро, что для этого ему понадобится настоящий марафон. И мир, в котором духи становятся котами, играют в карты с богами и пытаются понять, есть ли у жизни смысл помимо самой жизни. Три мира. Три истории. Связь, которую не сразу удастся разглядеть. И вопрос, от которого не убежать: как быть, если реальность, которая тебе не нравится — это единственное, что у тебя есть?

© Пустовойт И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5.1	45
Глава 5.2	52
Глава 6	62
Г	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

И. Пустовойт

Поводырь

Глава 1

Сны Мисхраны...

Начало конца

Никогда не бываешь вполне готов к концу света. Вот так вот, чтобы в одночасье мир перестал быть таким, каким ты его знаешь. Тающая реальность, капля по капля испаряющаяся из бытия, чтобы быть пожранной неурочной, внезапно нагрянувшей тьмой.

Киуру поднял глаза на долину, где должны были возвышаться Столпы Творения. Там, где обычно вздымались вверх величественные, сверкающие колонны животворящей пыли, сейчас, низко над землей, неровными клочками клубился слабо переливающийся еле угадываемыми цветами серо-серебристый дым. И расползлся по земле, точно так же как за секунды до этого растеклись под его руками наметки так и не сформировавшегося портала. Зеркальный Свод блеклыми пятнами отражал умирание мира. Темнота давила, и с каждым дыханием она, казалось, становилась плотнее.

На какие-то мгновения он прислушался к чувствам, бурлившим внутри него, и сам этот факт вызывал смятение, безусловно недостойное образчика безукоризненности и гармонии, каковым должен был являться Хранитель Благоденствия. Внутренний резерв расползлся по швам вслед за Столпами Творения, и эта потеря контроля над реальностью заставляла спешить. Торопиться. Интуиция Хранителя, его внутреннее чувство равновесия гнали его туда, где таилась причина, пока еще неизвестная, обрушившейся катастрофы. Чтобы Столпы Творения расползли по земле никчемным туманом? Не было такого никогда. Чтобы затмение пришло вдруг, ни с того, ни с сего, прямо в середине круга? Немыслимо, против природы. Он консультировался со старейшинами клана Помнящих, и даже они не смогли пролить ему свет на то, что происходило. А значит нельзя терять время. Пока еще не поздно. И если он не может построить портал, если любая попытка материализации рассеивается зыбким туманом под его руками, значит он пойдет пешком.

Долина, обычно наполненная протяжными мелодиями поющих кристаллов, была непривычно молчалива. Все поглотило серое марево умирающих Столпов Творения. Еще одно незнакомое Киуру ощущение родилось внутри, когда над лиловым горизонтом нарисовался скошенный бок одинокого пао — венца опустошенности и распада, что царили вокруг. “Сердце екнуло” — мысль залетела, и вслед за ней: “Что бы это значило?”. И дело было даже не в том, что вместо узорчатых ветвей светящихся кристаллов, проливающихся дождем деревьев фха, внезапно исчезающих и появляющихся тут же неожиданно в другом месте птиц исэ, и всякой другой живности, взгляду Киуру предстала лишь гладкая поверхность кособокой избушки. Что случилось с неумной фантазией жизни, движимой и недвижимой, что обычно бурлила вокруг любой калухи? Очевидно то же, что и со всем остальным миром. Проблема была в том, что Киуру внезапно понял, чей пао ждал его впереди; кто, видимо, был первопричиной разраставшегося кошмара. И от этого тому, кто страха в принципе не испытывает, становилось страшно.

Если калухи перестали держать мир, то есть ли что-то, что может его спасти? Перед его мысленным взором всплыла насмешливая холодность раскосых темных глаз... заигрывающие блики золотистого вьюна, извечно прикорнувшего на ее плече... горсть сочных, наполненных дурманящим вяжущим соком пьяных кристаллов на точеной ладони, увенчанной темным пятнышком родинки у большого пальца — дань глубокому убеждению калух, что симметрия оскорбительна для природы, что в несовершенстве заключается главная жизненная сила творения... Она говорила “нет” так, как будто не было во всем мире сиру никого, достойного стать отцом ее дочери...

Киуру стряхнул наваждение... Что это еще за бессмысленные стенания об ушедшем? Ему ли, Хранителю Благоденствия, предаваться бесполезным воспоминаниям, когда то самое благоденствие, что призван он был хранить, находилось под угрозой?

Ведьма рыдала... Явление было... неприятным. То, что она рыдала, Киуру знал исключительно потому, что такие катастрофы иногда все же случались с натренированными в практике самосозерцания жителями сиуру. Очень-очень редко. Это держалось в тайне, только самый высший круг посвященных, как правило, привлекался к урегулированию каждой проблематичной ситуации. Но, безусловно, никогда еще это не происходило с калухами.

Женщина с закрытыми глазами покачивалась взад-вперед, поскуливая и завывая. Периодически она страдальчески морщила лицо, обращая свой лик к потемневшим глубинам Зеркального Свода, безразлично внимающего происходящему сквозь прозрачный свод избушки. Обхватывала голову руками, и закрученные в несколько широких спиралей рога сотрясались, как ветви деревьев дикого леса от поступи свирепого гу. Словом, нелицеприятное зрелище. Калуха, одна из старейшин... А ведьмы еще посмеивались над остальными сиуру, что им, дескать, не нужна была практика самосозерцания. Зачем им, когда все и так само по себе пробуждается к жизни от их волшебной силы? И вот, пожалуйста: всего одна калуха вышла из строя, и мир рушится.

— Даже если бы мы верили в богов, Зуур, я не думаю, что они польстились бы на столь нелицеприятную молитву. Мне кажется, такая мудрая женщина, как ты, должна бы уж это понимать.

О, этот взгляд! Любой, кто когда-либо заглядывал в глаза калухи, тут же понимал, почему именно на волшебстве этих ведьм держится мир. Взгляд калухи глубок, практически бездонен, как бесконечная тьма Великой Пустыни. Взгляд калухи цепок, как острые коготки раскидистых ползучих кристаллов, покрывающих старые дома и древние стены. Взгляд калухи пытливы, как мастерство созерцания самых опытных из клана Смотрящих во Тьму. Взгляд калухи пронзителен, как острия копий древних охотников, и погружающемуся в него остается только удивляться, почему он еще и не столь же смертелен. Впрочем, возможно на самом деле так оно и есть, просто никто не способен выдержать взгляд калухи слишком долго. Вот даже Хранителю Благоденствия пришлось отвести глаза, чтобы прервать эту неподдающуюся описанию связь, от которой становилось не по себе до мурашек по коже. Киуру с облегчением отметил для себя, что может быть все не так уж и плохо. Раз уж ведьма все еще сохранила свою силу, то все еще можно исправить. Ибо известно, что нет ничего неподвластного магии калух.

“У страха глаза велики”, подумал он. Откуда пришла ему эта мысль? Как мог знать, каковы глаза у страха, тот, кто до сегодняшнего дня жил в мире, где никто не был знаком с подобными чувствами? Тем не менее, именно эта формулировка пришла ему в голову. Как будто мысль витала в воздухе, и решила погостить в его голове, просто из любопытства. Странные вещи все-таки продолжали твориться.

Громоподобный смех ведьмы рассыпался в пространстве, отскакивая от пустых каменных стен пао, кусочками отпрыгивая, отталкиваясь от холодных камней, создавая сложную мозаику звуков, кружевами повисающую в воздухе. И эта родинка у основания бледной ладони, нервно сжимающей край цветастого пари... Когда-то это пятнышко завораживало его, до

потери мыслей, так что резерв распирало потом от необходимости творить... А теперь оно пританцовывало вместе с кусочками смеха: вверх-вниз, вверх-вниз...

— Что, великий хранитель всемирного благоденствия, мысли заходят теперь к тебе непрошеными гостями? — И этот голос, глубокий, бархатистый... Ему всегда казалось, что его можно потрогать... Теперь же он вывел его из этого нелепого транса, что вновь затянул его на дыхание в туннель бессмысленных воспоминаний. — Даже твое хваленое равновесие не защищает от наглцов? Подожди, то ли еще будет. В мире поселился ловец снов, теперь мысли будут плутать, как заблудшие неприкаянные странники. Что им до наших тысячелетий самозерцания?

И она опять запрокинула рогатую голову. И опять кусочки ее смеха запрыгали по комнате, отражаясь от стен. Только вот смех ли то был? Или очередные рыдания? И Зуур вновь закачалась из стороны в сторону, содрогаясь в конвульсиях и забыв, казалось, о присутствии Хранителя.

— Я слышал слухи о ловце снов. Неужели эта нелепица вывела тебя из равновесия? Что делать ловцу снов в мире, где никто не ведает, что такое сны? И даже если бы это и было правдой, не понимаю, как подобная весть могла привести тебя в это состояние? Что тебе с твоим могуществом до заблудшего скитальца?

— Какое мне до него дело? — сквозь рыдания простонала ведьма. — Какое мне дело вообще до вашего мира, или до какого-либо другого? Зууна. Зууна. — Женщина вновь посмотрела на Киуру, и ее жуткий взгляд был наполнен отчаянием и усталостью. — Моя дочь ушла от меня. Какое мне дело до всего остального, когда моя дочь ушла?

— Насколько я помню, Зуна завершила круг зрелости еще несколько затмений назад. Она вообще слишком долго задержалась в твоём доме. Ей следовало создать свой пао уже давно. Ты знаешь это гораздо лучше меня, ведьма, это ведь ваши порядки. Тем более тебе не пристало устраивать все это безобразие из-за того, что жизнь идет своим чередом.

— Старый дурак! — лицо ведьмы исказилось, как морда свирепого гру перед смертельным прыжком на свою жертву. — Ты прекрасно знаешь, что она не способна построить свой собственный пао. Никакая энергия не принимает форму материи под ее руками. Она не выживет без меня, бедная моя девочка.

Зуна... Странный случай в истории мира сиуру... Чудо-ребенок, которой в свое время прочили главенство клана. Еще бы! Пока обычные маленькие дети, не контролируемые еще канализацию своей внутренней энергии, спонтанно выплескивали в мир дикие необузданные формы, вокруг Зуны с самого ее рождения не материализовалось ничего. Жители сиуру, выше всего на свете почитающие равновесие и совершенство, очень быстро вознесли девочку чуть ли не в ранг святой, сделав ее объектом паломничества и поклонения. А как же? Если психе не принимает форму вокруг того, кто не освоил еще практику самозерцания, значит внутри девочки царит идеальная гармония. А потом девочка выросла, и выяснилось, что даже осознанно Зуна не способна была что-либо сматериализовать. Будь она из любого другого клана, жизнь ее была бы затруднительной — какую пользу может принести тот, кто не способен творить? Но Зуна была калухой, а мир не вмешивался в дела рогатых. Калухи сами разберутся. Ан, нет, не разобрались.

— Я всегда знал, что с девочкой что-то не то.

Слова были тихи, хотя будь ведьма вменяема, даже они не ускользнули бы от нее. Но калуха была занята. Плач ее был похож на протяжное скуление зверя, раненного свирепым гру.

— Это я виновата, — глаза Зуур, те самые, раскосые, о которых Киуру не вспоминал много кругов уже — смотрели в пустоту, и были черны, казалось, как сама Великая Пустыня. — Когда-то я зашла слишком далеко, даже наша магия, мне казалось, не простирается так далеко. Но во мне было столько любви, и я хотела, чтобы эта любовь досталась только ей. И я сделала это. Или это был страх. Да, наверно мне просто было страшно. В нашем мире,

не ведающем, что это такое, страх, оказывается, способен на вещи, непостижимые даже для магии калух. Страх и любовь. А она узнала. Я не знаю, как она могла узнать, но она узнала. Как она была страшна, когда обвиняла меня. Даже голодный гру не так свиреп, как была она. Она сказала, что это я виновата, в том, что она такая. Сказала, что не хочет ничего слышать больше ни обо мне, ни о нашей магии. Что она никогда ко мне не вернется.

Киуру только собирался спросить, о чем это лепетала совершенно обезумевшая ведьма, как та, вдруг, подняла на него глаза, как будто только что заметив, собственно говоря, его присутствие.

— Киуру... — И тут, одним резким рывком ведьма оказалась у ног Киуру, и ухватилась за полы его одежд, безумными глазами смотря на него снизу вверх. — Найди ее, Киуру. Поговори с ней. Умоляю тебя. Ты — Хранящий Благоденствие, ведь она тоже нуждается в благоденствии, которое ты хранишь. И я. Как мне жить без нее? Как она будет жить без меня? Прошу, прошу, найди ее, заставь ее вернуться.

Омерзительная сцена. Киуру даже не подозревал, что был способен на подобную брезгливость. Тело само непроизвольно подалось назад, и захотелось отряхнуться. И в любой другой момент Киуру, скорей всего, и ушел бы, оставив калух самих разбираться с этим безобразием. Послал бы гонцов к старейшинам, чтобы навели порядок. Но перед его мысленным взором сейчас стояли рваные клубки серого тумана на том месте, где должны были возвышаться Столпы Творения, и расползающийся, таящий во все стороны портал под его рукой. Все, что произошло затем, случилось как бы само собой, без какого-либо волевого участия самого Киуру. Как будто какая-то другая, чужеродная сила на мгновение взяла управление его телом. Каждый раз, когда впоследствии Киуру вспоминал о случившемся, ему требовалось несколько дополнительных минут самосозерцания, чтобы очистить, наполняя внутренний резерв, тот раздражающий, мерзкий привкус стыда, что в нем просыпался. Но при этом, будучи уверенным, что его поступок спас в тот момент их мир от разрушения, которого он всерьез начинал опасаться, он так же в тайне молча произносил слова благодарности той неведомой силе, что решила вдруг сыграть свою партию в игре, которую, возможно, на мгновение нашла увлекательной. Как бы то ни было, сам того не осознавая — так быстро все произошло — Киуру широко замахнулся, и со всего размаху вlepил ведьме звонкую пощечину. Повалившись на пол от силы удара, Зуур ухватила ладонью залевшую щеку, и уставилась на Хранящего Благоденствие удивленными круглыми глазами. Но во взгляде ее при этом уже не было прежнего безумия. Казалось, она только что отдала себе отчет и в присутствии Киуру, и в своем состоянии. Киуру же обхватил двумя руками черепушку ведьмы и сильным волевым жестом повернул ее голову в ту сторону, где за прозрачными стенами открывалась взгляду некогда переливающаяся изумрудно-рубиновым светом долина Столпов Творения, ныне заполненная серым слабо мерцающим туманом и задавленная удушающей темнотой. Киуру скорее даже почувствовал, чем услышал, как Зуур испустила протяжный отчаянный вздох. Тело ее обмякло, да и колени Киуру сами по себе подогнулись, и он опустился на пол рядом с калухой. Так они и сидели, безнадежно созерцая как медленно, капля за каплей, растекался их мир, который всегда им казался таким незыблемым и непререкаемым.

На обратном пути Киуру думал, что пожалуй никогда в жизни он не чувствовал себя таким уставшим. И дело было даже не в усталости тела, но в этот день, ему казалось, он на себе испытал, что имели ввиду древние, когда говорили о разрушительной природе не канализированной должным образом психе. Когда он покидал злосчастный пао, Зуур уже вновь была калухой из мира сиуру, всемогущей ведьмой, силой которой питалась сама природа. Правда при этом, в ее глазах, помимо завораживающей силы видел Киуру еще что-то: то, с чем не был знаком лично, что-то потустороннее, инородное, не принадлежащее этому миру. И почему-

то ему казалось, что это и было тем, что в вековых скрижалях называлось “боль души”. Он понятия не имел, что оно означало, и не знал, от чего он так решил. Просто пришло в голову.

Он пообещал Зуур, что поговорит с Зуной, хотя и подозревал, что не в его власти, на самом деле, как-либо повлиять на исход событий. Мир не должен вмешиваться в дела калух. Но... «Полотно Мира рвется», произнесла Зуур на прощанье, и не понятно было, сказала она ему или самой себе. «Кому-то придется сесть за ткацкий станок». Еще одна тайна калух, о которой мир ничего не знает. Ему подумалось, что слишком много развелось, этих тайн. И возможно пришло время миру начать вмешиваться в дела ведьм.

Прервав свои мысли, Киуру остановился. В воздухе разливался еле уловимый, нежный звук: ни с чем в мире не сравнимый звон поющих кристаллов. Киуру поднял взор на долину. Из клубящегося серого дыма, пока еще низко, но уверенно, начинали вырисовываться, стремясь к Зеркальному Своду, Столпы Творения. Мириады частиц животворящей пыли кружились в таинственном танце, следуя одной только природе известным канонам, создавая смерчи, ураганы, воронки и гейзеры. Пронзительный изумрудный свет венчал короны животворящих столбов, стекая тонкими рубиново-красными струями от вершин к основам. Разрозненные мельчайшие пылинки, объединенные в единое целое непререкаемой силой — стремлением вверх.

Киуру испустил вздох, и медленно опустился на землю, прямо на тропинке, по которой шел. В течение нескольких дыханий он позволил себе просто наблюдать как медленно, но верно внутренний резерв наполнялся безупречной энергией. Поднял руку и сконцентрировался на том, как сила медленно перетекала из его руки во вне, сплетаясь в сложнообразные формы и уплотняясь. Он сидел так долго, не опуская руки, не теряя внимания, не нарушая концентрации. Когда он наконец закончил, прямо перед ним переливалась серебристая поверхность колодца портала — маленькое отражение Зеркального Свода. Если бы сиуру верили в богов, Киуру бы возможно вознес им молитву благодарности. Все возвращалось на свои места. Удовлетворенный, Хранитель поднялся с земли и сделал шаг.

Глава 2

Сны Уо...

О порядке и хаосе

Ребенок доставлял слишком много беспокойства. Ильзе присела на краешек стула, недовольно прислушиваясь с маленькому перевороту у себя в животе. Она бы, пожалуй, прочитала лекцию о правилах поведения воспитанных детей своему нерожденному еще сыну, если бы не считала разговоры с самой собой чем-то еще более неуместным, чем нарушение правил приличия расшалившимися детьми. Поэтому она просто молча терпеливо ждала, пока ребенок уgomонится, надеясь, что даже в утробе он сможет почувствовать ее строгий взгляд, точно так же как она в детстве, даже спиной, и даже на расстоянии, чувствовала, когда мать ее была недовольна ее поведением. Ребенок, видимо, действительно оценил, что доставлял неудобства, революция очень быстро затихла, и Ильзе с удовлетворенной улыбкой несколько раз ласково провела ладонью по животу. Хорошее поведение надо поощрять.

Было в этом ребенке что-то неправильное. Не только потому, что он пихался, ворочался, доставлял неудобства — в общем, хулиганил. Дело в том, что с самого первого момента беременности Ильзе начала ощущать приступы необъяснимой тоски. Тоска была протяжной, бесконечной, как звук расстроенной скрипичной струны, тянущийся от одного конца горизонта к другому. Тоска эта не была связана ни с чем конкретным, ни о чем, ни к чему. Она просто подступала к горлу, как отрыжка, обматывала сердце холодной режущей леской, изводила душу ничемными, нежеланными, скупыми слезами, и отступала так же неожиданно, как и приходила, пряталась в каких-то неведомых Ильзе подземельях до следующей атаки. И самое главное, Ильзе совершенно точно знала, что тоска эта была не ее: это была тоска этого ребенка. Но знание это, как и сама тоска, было настолько необъяснимо, что она всегда старательно прятала его в самые укромные закоулки своего сознания и старательно отвлекала себя домашними делами.

Дел по дому было много, но Ильзе решила, что может позволить себе минутку отдыха, раз уж присела. Стул стоял рядом с окном, через него был виден кусок двора, где Аарт, муж, возился с рубанком. Опять мастерил то ли домик для кошек, то ли очередную волшебную лодку, или еще какой-нибудь невероятный артефакт. Привычное раздражение неосторожно закипало, как суп, в области солнечного сплетения, но Ильзе напомнила себе, что жена никогда не должна высказывать открытого недовольства мужем. Только направлять изподтишка, чтобы никто не заметил. Так ее учила мать. Киис, трехлетний сын, внимательно наблюдал за отцом немного поодаль, но участия в развлечении не принимал. Ильзе с удовлетворением отметила, что сын не пошел в отца, и даже в три года уже был гораздо практичнее, чем его родитель. Даже смешно. Аарт периодически пытался убедить сына, что в их гараже, где он хранил инструменты и материалы для своих поделок, поселилась парочка каботеров. Трехлетний ребенок изначально отнесся к заявлению недоверчиво, но на всякий случай тщательно исследовал все углы зоны предположительного обитания фольклорной нечисти. После чего авторитетно заявил, что никаких таких каботеров в гараже нет, что вообще все это выдумки и полная чепуха. И сел рисовать в своей тетрадке вполне такие реалистичные и никакие не фантастические машинки.

Аарт был хорошим мужем и хорошим отцом. Он был добр и заботлив. Характер его был мягок, и он всегда шел Ильзе на уступки, старательно избегая каких-либо домашних конфликтов. Чем Ильзе была крайне довольна и даже горда — что-то, а ссоры и склоки в доме совершенно не вписывались в ее представления о семейной идиллии. А так жизнь ее представляла собой вполне тот самый идеал, который ее воображение рисовало ей, когда она была маленькой девочкой: чистый убранный дом, заботливый муж, послушные дети, мир и уют. Размеренность и порядок, каждый день своим чередом, все на своих местах. Мать всегда наводила порядок как средство для борьбы с житейскими невзгодами. Когда в первый раз, по крайней мере на памяти Ильзе, одна из сердобольных соседок пришла к ним, чтобы поведать матери о недобродетельных похождениях отца Ильзе, мать, вежливо выслушав за чаем доброжелательницу и проводив ее за порог, принялась тщательно все натирать и целых два часа расставляла посуду в буфете, добиваясь идеальной симметрии в расположении предметов. Именно тогда-то она и объяснила четырехлетней дочери о том, как должна вести себя с мужем истинная женщина во имя сохранения семейного спокойствия. Девочка мотала на ус, тщательно протирая пылинки с парадного фарфорового сервиза. В последующие дни в доме воцарилась натянутая до предела, как струна, вежливость. Ильзе плохо понимала, что происходит, но инстинктивно чувствовала эту молчаливую напряженность, заполнившую в доме все, и сказала себе, что, видимо, так и выглядит неконфликтное мужеуправление со стороны достойной жены. А чтобы избавиться от беспокоящего ощущения, что что-то в ее мире было не так, девочка принялась наводить порядок в своем собственном уголке. Хозяйство-то, собственно говоря, было не большое. Две тряпичные куклы. Маленький фарфоровый чайничек, который был отдан ей во владение матерью, потому что у него откололся носик, и посему пользоваться им стало неприлично. Маленькая жестяная коробочка из-под леденцов, в которой хранились: три ракушки, собственноручно найденных Ильзе во время их незабываемой семейной поездки на море; большая, волшебного-изумрудного цвета пуговица, больше похожая на брошь, чем на банальную принадлежность чьему-то гардеробу; и блестящая обертка из-под подаренной когда-то каким-то взрослым шоколадной конфеты. И наконец, венец всего Ильзиного богатства: невозможно прекрасная, из малинового бархата с золочеными тонкими узорами по краям, на длинной изящной палочке, маска, когда-то привезенная неким волшебником из таинственного города под названием Венеция. Каждый день Ильзе раскладывала в строгой последовательности свои сокровища на кровати, усердно добиваясь строжайшей линейности и непрерываемой равномерности, и действительно чувствовала себя лучше. Тревожные чувства отходили, все в ее мире было в полном порядке и под абсолютным контролем.

Когда через несколько лет напряженное молчание между отцом и матерью разразилось-таки бурным скандалом, Ильзе, спрятавшись в детской, рассказывала своей маленькой сестре Элке, тогда еще находившейся в люльке, о том, как на самом деле должно выглядеть семейное счастье. Кто знает, чем бы закончилась вся эта фантазмагория, но наступила война. Во время оккупации отец спрятал у них в кладовке еврейскую семью, целых трех человек. Ильзе никак не могла понять как они там помещались, но нутром чувствовала, что только очень большая нужда могла их заставить туда залезть. И пока родители накаленным шепотом ругались по поводу того, стоило или не стоило им ввязываться во всю эту историю, Ильзе и Элке уже вместе фантазировали о том, как будут выглядеть их счастливые образцовые семьи, когда они вырастут. В те дни Ильзе особенно привлекала идея рутины и размеренности. Повсюду шли обыски и аресты. Ее страх, вызванный каждодневными лишениями, усиливался от того, что она кожей ощущала страх взрослых, который был еще более зловещ, чем ее собственный, потому что вызван был какими-то обстоятельствами, она знала, что злобными, но недоступными ее пониманию. Поэтому в ее идеальном мире один день был похож на другой, все было на своих местах и подчинялось правилам, установленным ею самой.

После войны отцу пришлось много ездить, чтобы прокормить семью, что, наверное, позволило в какой-то степени спустить пары семейной драмы. Продолжал заниматься отец своими неблагочинствами где-то там, в далеких от них всех краях, или нет, кто же знает, но по крайней мере теперь у матери был очень существенный предлог для сохранения лица. В доме вновь воцарился мир и порядок, который мать каждый день усиленно поддерживала: драяла, мыла, натирала.

Когда на горизонте Ильзе появился Аарт, добрый, отзывчивый, покладистый и, по всему было видно, верный, она быстро поняла, что он вполне мог бы быть подходящим ключом к тому идеальному семейному счастью, который она когда-то себе нарисовала. Правда, его увлеченность мистическими мирами и неудержимая фантазия, которую он постоянно воплощал в своих деревянных поделках, несколько портили дело, поскольку это был единственный фактор, который не вписывался в представления Ильзе о размеренной жизни и не поддавался ее контролю. Но она хорошо помнила наставления матери, а также к каким последствиям приводит неумение женщины следовать этим принципам, а потому она была терпелива, постоянно напоминая себе, что подходя к делу с умом, она сумеет обуздать и эту, надо сказать, единственную опасность, заключающуюся в муже. К тому же, была и практическая польза от его увлечений. Дом был полон милыми и к тому же вполне полезными вещицами, выструганными мужем. И работал он учителем в одном специальном колледже для умственно отсталых детей, который находился неподалеку. Там он учил этих несчастных детей мастерству деревообработки, навык, который безусловно может оказаться им весьма полезным в жизни. Так что, все было не так уж и плохо.

Сестра же Элке поселилась в Амстердаме. Связалась с какими-то художниками и прочей ведущей неблагочестивый образ жизни богемой, ходила на непонятного толка собрания и боролась за права женщин. Словом, полностью предала их детские мечты о семейном счастье. Думать о сестре Ильзе было неприятно. Словно бы мысли о ней могли замутнить чистые краски ее столь правильно выстроенного рая. При воспоминаниях об Элке действительно маленький мерзкий комочек скатывался в нижней области живота, там где сейчас, по идее, так неправильно вел себя вновь ожидаемый ребенок. Но для этих случаев у Ильзе имелся старый проверенный способ борьбы с угрозой выхода мира из-под контроля. Она занималась уборкой. Драяла, мыла, отчищала, расставляла все по местам. И все действительно вставало на свои места. Все неправильные ощущения, все мысли о сестре, муже и о тоске, принесенной в мир еще не рожденным ребенком, отступали перед начищенным блеском ее царства размеренного порядка.

В такие минуты она любила награждать себя одной маленькой фантазией, секретным грехом, который она тщательно прятала от всех остальных, но который в последнее время стал ее любимым развлечением, как для маленьких девочек - кафе-мороженое. Она садилась на этот самый стул, у окна, закрывала глаза, и слушала шум моря. Длинный-длинный пустынный пляж, как тот, в детстве, где она собирала ракушки для своей сокровищницы. Волны, непрерывно, одна за другой, окатывают холодной водой босые ноги и тут же отскакивают, как игристые, но недоверчивые котята. Песок слишком холоден, чтобы быть приятным, но по мокрому идти гораздо проще, чем проваливаясь в миниатюрные рассыпчатые дюны. К тому же какая разница, какой температуры песок, и вода, и вообще все вокруг, когда кровь кипит, сердце готово выскочить из груди, убежать за горизонт, вновь вернуться и взорваться в небе ослепительным радостным феерверком? Они идут, держась за руки. Не обнимаясь, не целуясь, лишь пальцы их слегка нежатся друг об друга, даже почти не касаясь, оставляя легкий зазор, через который простреливают электрические заряды. Они идут из бесконечности в бесконечность, кровь их переливается из одного в другого. Не разговаривают, не смотрят друг на друга, зачем? Все сказано. Все известно. Нет ни времени, ни памяти, ни обстоятельств. Только он и она. Этот пустынный пляж. Их следы на песке. И шум прибоя, долгий, монотонный, такой же бес-

конечный как этот пляж, как звук расстроенной скрипичной струны, протянутый из одного конца горизонта в другой. Тоска, как правило, подступала в тот момент, когда Ильзе отдавала себе отчет в том, что мужчина, с которым она ходит по пляжу в этих своих фантазиях — не Аарт. Это был не какой-то конкретный мужчина. Лишь образ, такой же абстрактный как пляж, и песок, и морской бриз. Она даже никогда не представляла себе его лицо. Просто мужчина, с которым она идет по пляжу, опьяненная остановившимся временем. Одно она знала точно — это не ее муж.

Привычным хозяйским движением Ильзе собрала в пригородню рассыпающиеся горошины чувства вины, задвинула их в тот же дальний душевный ящик, где она запирала непрошеную гостью тоску. Еще какое-то время понаблюдала за хлопотами мужа во дворе. С удовлетворением обзрела ничем не нарушенный вокруг нее порядок, и решительно пошла готовить обед.

Было что-то завораживающее в плавном скольжении рубанка по дереву. Инструмент плыл по золотистой поверхности, и веселые завитушки стружек феерверком разлетались в разные стороны. Конечно, для того, чтобы рубанок плыл по дереву, не застревая занозой, не нарушая текучесть деревянного тела, нужно было очень аккуратно следовать правилам мастерства. Рука должна поддерживать постоянное давление на инструмент, а для этого требуется неизменное уравновешенное присутствие в моменте. Это как с лошадьми. Для того, чтобы скакун не сбросил тебя, ты должен стать с ним одним целым. Точно так же и с деревом. Для Аарта эта возня с рубанком была чем-то вроде медитации, по крайней мере, как он себе представлял медитацию, основываясь на одной единственной книжке о дзен-буддизме, которую он когда-то прочитал. Для того, чтобы сконцентрироваться на плавном скольжении инструмента по деревянному телу, ему нужно было отстранить все мысли. Ничто в мире не могло существовать в тот момент, кроме его руки, рубанка и текучести дерева. Беспокойства, сомнения, любопытство, вопросы, поиск ответов и грусть не то чтобы уходили, но отступали в тень, становились полупрозрачными призраками, незначительными в своей бестелесности.

Правда, одно чувство все же оставалось, и даже усиливалось, разбухало, как будто на него смотрели через увеличительное стекло. Аарт долго размышлял над этим и пришел к выводу, что это любовь. Его медитативное колдовство над деревянными телами подпитывалось всей любовью и подпитывало всю любовь, которая обитала в нем: любовь к этому миру, к его так глубоко проросшей корнями красоте; к его земле, ко всему, что из этой земли происходило; к людям, которые его окружали, которые разделяли с ним историю, будни, город; к загадкам, поиск ответов к которым делал жизнь настолько увлекательной; к магии протекающей через каждую пору этого мира; к его семье, к жене Ильзе, такой сильной и такой хрупкой одновременно, и совершенно не осознающей ни своей силы, ни своей хрупкости; и к маленькому Киису, такому смешному и трогательному в его серьезности. Рука Аарта сливалась с рубанком в постоянном движении, рубанок сливался с деревом, и Аарт чувствовал, как любовь огромным светлым теплым шаром разрасталась в его груди.

Но был еще один ключ к тому, чтобы взаимоотношения рубанка с деревом протекали больше как воркование влюбленных, нежели как пререкания политиков. Нужно было уметь слушать дерево. Из любого ствола, из любого сучка, из любого полена невозможно было сделать что-то, чем дерево не хотело быть. Прежде чем пускать свой рубанок в плавание по дереву, Аарт гладил ствол рукой, прислушиваясь к нему, пытаясь понять, к чему стремится этот маленький кусочек мира, чем мечтает стать, и какой у него потенциал, во что он на самом деле может превратиться. Потому что бывает и такое, что мечтаешь стать чем-то одним, а на самом деле предназначение у тебя совсем другое. Это случается не только с людьми, но и с деревом тоже. А если у Аарта была уже идея в голове того, что он хотел смастерить, тогда его

предварительное общение с материалом направлялось в другую сторону. Тогда он спрашивал разрешения у дерева сделать то, что он хотел сделать, и долго прислушивался в поисках согласия. Иногда приходилось затратить достаточно много усилий и времени, чтобы найти подходящий брусочек, согласный принять на себя предстоящую миссию. Как Аарт это делал, ему всегда было сложно объяснить. Знание, ответы просто приходили к нему, возникали даже не в голове, не в форме мыслей, а как ощущения больше где-то в области сердца. Слава богу, что объяснять все это не приходилось многим. Только его ученикам, а ученики его были люди особенные. Существа, окрещенные обществом как умственно отсталые, они имели преимущество перед остальными в том, что не были отягчены слишком уж грузным бременем рационального мышления. И сердце у них было гораздо вместительнее, любовь чище и больше. А потому им даже не приходило в голову ставить под сомнения слова Аарта, когда тот объяснял им, как нужно общаться не только с деревом, а с миром вообще. Они послушно и вдумчиво поглаживали деревянные поленья, прислушиваясь к своим ощущениям в поисках взаимности и согласия. И, конечно, находили.

Сын же Киис был совсем другой. Для его трехлетнего возраста он был на удивление рационален. Как-то Аарт, для того, чтобы завлечь ребенка в свои забавы, рассказал Киису про Каботеров. Точно так же, как когда-то его дед, от которого Аарт и научился мастерству обращения с деревом, рассказал эту историю ему. По идее, ребенку должно было бы проще принять мысль, что жизнь в мире простирается за пределы того, что можно потрогать. Собственно говоря, вера в этих проказливых духов и позволила Аарту в свое время проникнуть в тайну общения с так сказать неживой природой. И он не променял бы свою жизнь ни на какую другую, именно потому, что он мог жилами чувствовать, как магия пронизывает каждую клеточку, каждый волосок, каждую струйку воздуха этого мира. От этого захватывало дух и делало каждый день непохожим на другой.

Но Кииса история про Каботеров не захватила. Он с самого начала отнесся весьма недоверчиво к идее, что в гараже могли обитать какие-то загадочные существа, которые почему-то раньше не попадались ему на глаза. Проверить он все-таки проверил. Видимо, детское любопытство одержало верх. Но не найдя никаких следов никого и ничего, кроме отцовского рукодельничества, быстро пришел к выводу, что отец его просто разыгрывает. И к занятиям Аарта он тоже остался равнодушен. Нет, машинки, которые Аарт выстрогивал сыну, конечно приветствовались. Но это совершенно не вызывало у маленького скептика ни уважения, ни интереса к процессу их создания. В конце концов, игрушки из магазина были гораздо красивее.

Вот и сейчас Киис стоял поодаль, недоверчиво наблюдая за деятельностью отца. На лице у ребенка было написано, что он искренне не понимает, что заставляет отца часами заниматься такой изнурительной и скучной работой. Аарт плавно завершил скольжение, и, не разгибаясь, взглядом из-под руки подмигнул сыну. Тот неодобрительно свел брови на переносице, но все равно постепенно лицо его расплылось в улыбке. Как бы неуверенный, что теперь с этой улыбкой делать, мальчик смущенно отвернулся и, постояв еще немного, ушел в глубь двора, сосредоточенно занявшись машинкой, которую держал в руках.

Аарт какое-то время с улыбкой наблюдал за сыном. Эта его серьезность и совершенно недетская практичность вызывали в нем умиление и нежность. Он не держал обиды на сына за то, что тот вроде как отверг его увлечение, за то, что был совсем другим, не таким как он. Люди, они же как дерево, — у каждого свое предназначение и своя природа. Не имеет смысла пытаться сделать из кого-то то, чем он не является.

Когда Ильзе позвала его обедать, он был весьма доволен проделанной за утро работой. Изначальный брусочек начинал приобретать черты более или менее гармоничные со своей сущностью. Но главный источник удовлетворения заключался для Аарта отнюдь не в воплощении собственных замыслов. Он не претендовал на божественные лавры. Ощущение слияния с дере-

вом, с процессом его преобразования, с целым миром, ощущение причастности к его магии — вот, что делало его счастливым. Счастье наполняло его сердце той самой любовью, что раздувалась шаром в его груди, иногда таким огромным, что ему казалось весь мир вмещался в него. Но каждый раз, когда он оказывался рядом с Ильзе и Киисом, он понимал, что та огромность его любви, вызванной непознаваемой силой творчества была только кажущейся. То, что он чувствовал к жене и сыну, не имело пределов и превращало их маленький незначительный мир в безграничную вселенную. А теперь и маленькое, нерожденное еще существо, скрытое в теле Ильзы, открывало в его груди новые вселенные, пульсирующие все более интенсивной любовью в такт его сердцу.

Он знал, что Ильзе не разделяла его чувств. Он понимал, что она не могла, потому что все в ней подчинялось жесткому контролю порядка. Любовь была для нее хаосом. Хаос и бесконтрольность ввергали ее в бездну ужаса. Точно так же, как он прислушивался к сущности дерева, он чувствовал пульсирующую внутри нее боль; боль, которую она сама даже и не осознавала, и ему хотелось как-то облегчить ей ее, но единственное, что он мог, это просто любить жену. Принимая ее так, как он принимал каждый кусок дерева, к которому прикасался его рубанок. И он любил. Подчинялся ее контролю. Следовал ее правилам порядка. Молчал, поддерживая то хрупкое ощущение внешней гармонии, за которую она так отчаянно хваталась. Ему было достаточно.

Когда она вышла из ванной комнаты в спальню, уже в сорочке, намытая и ухоленная, Аарт, со смешными очками на носу, сидел в постели на своей половине, читал какую-то книгу. Он, как всегда, поднял на нее свой восхищенный взгляд, влюбленно пробормотал что-то о ее неувядающей красоте. Она, как всегда, лишь тихо и благосклонно улыбнулась. Осторожно и тяжеловато (живот уже начинал мешать) забралась на кровать. Долго устраивалась на подушках, в поисках наиболее удобной позы на спине. Муж с нежностью погладил ее уже весьма выпуклый живот, наклонил к нему ухо, прислушался и даже прошептал животу пару умильных глупостей. Затем, подперев голову рукой, все с тем же восхищением и влюбленностью принялся смотреть на жену. Ильзе, улыбнувшись, похлопала мужа по плечу, выключила со своей стороны лампу и пожелала ему спокойной ночи. Аарт тоже выключил свет, и через несколько мгновений они уже были разделены не только сантиметрами кроватей и одеялами, но еще и сновидениями.

Какое-то время Ильзе просто смотрела в темноту. Она желала, но в то же время боялась закрыть глаза. В конце концов, она их закрыла. Ее ждал сон. Он. Она. Долгий бесконечный пляж на берегу холодного моря. Шум прибоя. Их следы на песке.

Глава 3

Сны Ийоха...

Прыжок

Считается, что в мире духов нет времени. На самом деле оно есть, просто оно очень-очень медленное. Ведь что такое время? Процесс трансформации материи. А какая в мире духов материя, правильно? Ошибка. Типичная для материальных существ. Ведь опять же, что такое материя? Так же как и сознание, это континуум различных состояний энергии, одни из которых характеризуются большей материальностью, а другие меньшей. Или большей или меньшей осознанностью. Как нет переключателя, который бы четко определял границу между сознанием и бессознательным, так и нет и четкой границы между материальным и нематериальным. В какой-то степени все есть материя, просто разной плотности. Некоторые умники считают, что материя и сознание есть разные концы одного и того же континуума, но на самом деле это неправильно. Материя и сознание это разные оси организации энергии. Но хватит о теории.

Так вот о духах. Существам из более плотных миров кажется, что духи нематериальны, но как мы уже выяснили, дух — это та же материя, просто она... другая. А раз уж это материя, то она точно трансформируется. Другое дело, что трансформацию эту сложнее заметить, поэтому и кажется, что времени нет. Самим духам изменения их собственной материи заметить еще сложнее. На самом деле, это может случиться с каждым. Вот, например, кто-нибудь подвергается повышенному давлению со стороны психе. Для противостояния этому давлению существо начинает потреблять преувеличенное количество каких-нибудь углеводородов или других источников плохо перерабатываемой энергии, вызывающих химическую зависимость. Его плотная энергия начинает медленно, но верно расширяться. Но существо этого не замечает, пока не попытается втиснуть свои материальные формы в какой-нибудь предмет обихода условно деноминируемый, к примеру, скажем, штанами. А штаны-то эти и не сходятся. Вот такой конфуз. До того как так называемые штаны появились в поле оценочных критериев нашего материального существа, существо это проживало в полном счастливом неведении изменений состояния своей материи. Полное кажущееся отсутствие трансформации.

Примерно то же самое происходит и с духами. У них критериев оценки трансформации их весьма разреженной материи еще меньше. Поэтому духам очень часто бывает скучно. Им кажется, что ничего не меняется. Для борьбы со скукой духи вечно стараются всевозможными способами приблизиться к более плотным материям. Каждый развлекается, кто во что горазд: инкарнации, реинкарнации, материализации, канализации. Кто в дерево вселится, кто в камень, кто еще во что или в кого похлеще. Так они могут проживать изменения чужой материи на своей, так сказать, духовной шкуре. Все как никак веселее.

Еще одно заблуждение на счет духов заключается в том, что у них, дескать, нет ощущения собственного "я". Полное единство с целым, и тому подобное. Неизвестно, кому из теоретиков первому пришло в голову, что эго рождается вместе с материей, но поскольку мы уже разобрались, что материя сама по себе — понятие весьма размытое, то, соответственно, и все дела, сопутствующие этой концепции, тоже весьма неоднозначны. Конечно, чем плотнее тело, тем проще определить его границы, в том числе и для самого тела. А что есть "я" как не определение собственных границ? Поскольку границы у тел более сугильных более размыты, то

интуитивно и возникает ощущение, что границы их "я" тоже должны быть нечетки. Но это ощущение может возникнуть только при взгляде со стороны, а кто может смотреть на духа со стороны? Только другой дух. А он в той же каше варится, а потому прекрасно понимает как для его собрата все работает, никаких сомнений по поводу своего и чужого "я" не возникает. То есть с точки зрения опыта самого духа тот прекрасно знает, где его границы, где кончается он и начинается что-нибудь другое. Другое дело, что благодаря этой самой размытости духовной материи, с ощущением целого у них тоже все в порядке. То есть "я" это "я", но "я" есть часть всего, а "все" это и есть "я". Кажется запутанным, но любому духу здесь все ясно, даже и говорить не о чем. Поскольку, чем менее плотна материя, тем более волатильна энергия, ее составляющая, теоретически любой дух может полностью слиться с целым с тем, чтобы из этого целого стать чем-нибудь другим. Потерять, так сказать, свое "я". Но кому же захочется терять свое "я"? Так что такое происходит очень редко, разве что только в случаях клинической депрессии.

Поскольку духов бесчисленное множество, им было бы очень сложно определять друг друга по именам. Это кто ж запомнит столько имен? Поэтому каждый дух имеет свой этакий инвентарный номер, координаты в глобальной информационной матрице, в алефе, как его еще называют. На самом деле все в алефе, — а алеф включает в себя все существующие и несуществующие миры, все вселенные в каждом из этих миров, все объекты и субъекты в каждой из этих вселенных на всем спектре плотности материи и по всему континууму сознания, — так вот, все в алефе имеет этот инвентарный номер. Просто, чем плотнее материя, тем сложнее материальному объекту воспринимать что-либо, как всего лишь инвентарный номер в алефе: номера слишком длинные.

Так вот, в один трудно определяемый для духов момент времени, в одной из точек их слабо уплотненного духовного пространства два духа готовились к приключению. Поскольку, как уже было сказано, их инвентарные номера настолько бесконечны, что нам понадобился бы еще один алеф, чтобы вместить один из этих номеров на бумаге, для краткости и простоты, назовем этих духов именами. Назовем их, к примеру, Уо и Оу.

Оу и Уо были очень молодыми духами. Неопытными в вопросах преодоления скуки. В общем-то и самой скуки они еще толком и не успели испытать. Пока что каждое мгновение существования для них было приключением. Рождение звезды, плавное течение космической пыли через беспрекословный вакуум какой-нибудь забытой богом вселенной, размышления об этом самом коротком на память боге, концентрации сознания как лифты, ведущие на новые уровни понимания устройства всего: каждое мгновение, как бы бесконечно долго оно ни длилось, было наполнено для них удивительным пьянящим ароматом познания. Нет, они не знали еще, что такое скука, но были жадны до новых ощущений. А тут среди духов стал распространяться слух о новом способе получения этих самых ощущений. Где-то на окраине одного из каких-то материальных миров создали новый аттракцион для жаждущих большей остроты бытия. Новый способ восприятия течения жизни через что-то такое, что называлось "эмоции". Чем таким были эти самые эмоции Уо и Оу не знали, но слухи ходили настолько будоражащие любопытство, что молодые неопытные друзья, конечно, ну никак не могли остаться в стороне. И вот теперь они стояли на пороге своего нового приключения.

Описать, что для духов означает "стоять на пороге" так, чтобы было понятно существу из материального мира, но при этом, чтобы это описание более или менее точно отражало опыт существа нематериального, такого как дух, например, задача весьма сложная, если не сказать невозможная. Лучше всего в таких случаях оперировать метафорами, поскольку трансференция смысла тогда очень мало, на самом деле, зависит от формы описания. Так вот, мы бы могли применить следующую метафору. В некоторых материальных мирах их обитатели любят создавать некие огороженные территории, наполненные всяческими сооружениями, предметами и аппаратами, предназначенными для вызывания острых ощущений у тех, кто оными

аппаратами и сооружениями пользуется. Называется это “парк аттракционов”. Так вот, представьте себе один такой пустынный заброшенный парк. Груды молчаливого, покрывающегося красноватой пылью метала. Конструкции различной высоты и сложности, никем не приводимые в движение и никем не используемые. Ветер дезоляции, тоскливо прогуливающийся в одиночестве по пустынным дорожкам, время от времени перекидываясь сам с собой какой-нибудь бумажкой или пластиковым пакетом. Но однажды одиночество ветра прервано двумя посетителями, мальчишками, подростками, встреченными у ворот старым, умудренным опытом сторожем. И сторож, и ветер знают, зачем мальчишки пришли. Не они первые, не они последние. И вот теперь сидят эти двое на краю высоченной старой вышки. Под ними пропасть такой глубины, что невозможно себе даже представить, что там внизу. И тем не менее эта загадочная глубина и является их целью. Эти двое готовятся к прыжку. Сторож исподтишка наблюдает за ними со стороны и тихо что-то бормочет себе под нос.

Один из друзей слишком погружен в процесс подготовки к прыжку в неизведанное, чтобы обращать внимание на невнятное лопотание сторожа, но друг его слишком любопытен. Особенно обрывок фразы “... не знают, что их ждет...” заставляет его совсем отвлечься от того, что должно произойти, и только еще больше напрячь слух, чтобы получше расслышать разговор старика с самим собой. Что-то здесь не так. Что-то в этих словах, случайно отнесенных ветром на пару метров больше, чем им предназначено, пахивает неприятностями. Они в опасности? От чего? Как так никто ничего об этой опасности до сих пор не знает? Может просто показалось? И любопытный товарищ уже полностью переключается на бормотания сторожа, забыв о процессе, происходящем у него перед носом. Но все равно расслышать у него получается не больше, чем отдельные куски фраз, какие-то несвязные слова: “...прикрыть давно пора...”, “...кто кому что скажет?...” “...эксперимент-то провалился...”, “...боятся огласки...”. Тот, кто подслушивает, настолько уже переполнен любопытством, что готов напрямую начать расспрашивать старика, в чем дело, но тут из-под вышки вырывается столп света, раздается пронзительный вой сирены, и ошарашенный, совершенно забывший и о друге, и том, зачем на самом деле они здесь, пацан в замешательстве наблюдает, как тело его приятеля группируется в позу для прыжка. Запоздало он вдруг заново осознает связь между тем, что собирается сделать его друг, и ощущением опасности, что таится в бормотании старика. Но как бывает в такие моменты, отчаянный крик “Не надо!” застревает у него в горле, и он только беспомощно наблюдает, как наперсник его исчезает в столпе света, а сам свет медленно начинает рассеиваться. Опоздавший рассеянно переводит взор с того места, где только что растворился его товарищ, на старика, который наблюдает за всем происходящим с выражением глубинного понимания сути и отстраненностью векового наблюдателя. Он знает, что происходит, но не вмешивается. У него нет никакого мнения, никаких предпочтений, он не встает ни на чью сторону: только наблюдает. Молча ждет, что будет делать тот, кто замешкался и остался позади. А промедливший мальчишка в течение нескольких растянутых на бесконечность секунд в нерешительности переводит взгляд между стариком и расплывающейся струей тающего света, в которой исчез его друг, и в самый финальный момент, когда последние фотоны уже сверкающими пылинками медленно угасают в воздухе, в конце концов прыгает с вышки следом.

Но, конечно, мы понимаем, что не было ни сторожа никакого, ни парка аттракционов, ни мальчишек. Это просто образ, позволяющий передать смысл того, что происходило на нематериальном уровне, в манере, доступной для понимания существом материальным. Можно было бы описать и по-другому, но мы не будем вдаваться в исследования символов. Кому надо, тот поймет. Суть она всегда и есть суть, какой бы формой ты ее ни описывал. Единственное, что более или менее в той же описательной форме присутствовало во всем происходящем, это столп света. И своего рода падение вниз. Конечно, это было не физическое падение, но для духа, приближающегося к материи, эти ощущения вполне сравнимы. Оу падал, как будто

на огромной пушистой подушке света, поглотившего Уо. Падал, но никак не мог проникнуть внутрь. Свет поддерживал его, не позволяя слиться с собой. Мир вокруг него менялся, но сам он оставался прежним, все его ощущения самовосприятия оставались неизменными. Он по-прежнему чувствовал Уо, как любой дух ощущает другого духа, но в то же время некий непреодолимый барьер, природа которого была пока что непонятна и который разделял их как некое неумолимое магнитное поле, был ему очевиден. Их пути были разделены.

Свет преобразовывался, расплываясь на большие цветные острова, что перетекали из одного в другое. Каждый оттенок сопровождался определенной вибрацией звука, сплетаясь в некую постоянно меняющуюся симфонию. Интенсивность звука нарастала, формы приобретали все более отчетливые границы, а потом взрывались ослепительным всепоглощающим светом. В конце концов все слилось в одном единственном тоне, а затем наступила тишина. Не потому, что звук затих, он просто переродился в нечто совсем отличное по природе, в нечто густое, плотное, но пока что неопределимое. Вместе с тишиной световая плазма тоже загустела, начиная вновь обретать индивидуальные формы. Все пространство вокруг Оу заполнилось плазменными пузырями, которые приближались друг к другу, отталкивались, иногда сливались или наоборот разделялись. Они кружили друг вокруг друга, и при касании их стенки, пружинясь, смыкались. Иногда цветной свет переливался из одной клетки в другую, как-то незаметно просачивался через их мембраны или утекал по тоненьким сосудам, соединяющим одни зиготы с другими.

Привыкнув к происходящему, Оу заметил, что световые нити связывали между собой не только плазменные клетки. Там внизу, подо всем, дышало, излучая могучий жар, нечто. Нечто неизмеримо большое, почти необъятное, оно тянуло к мириадам мерцающих цветных пузырей светящиеся щупальца, по которым в обоих направлениях текли потоки силы. Пульсирующее тепло необъятной матки, распустившей вокруг себя всю эту живую энергетическую сеть, тянуло к себе. Это влечение было густым, обволакивающим, но при этом таким неумолимым, что Оу даже начал чувствовать в себе тяжесть, что в принципе для духа в общем-то уже нонсенс.

Эта почти физическая гравитация была не единственным, что цепляло Оу. Где-то среди всей этой живой пульсирующей сети он чувствовал зов своего друга. Их связь все еще была сильна, хотя и ощущалась уже по-другому. Следуя этому зову, Оу выделил один из коконов, в котором, казалось, обитали аж два истекающих цветными лучами ядра. Одно, поменьше, как бы находилось внутри другого и к тому же было опутано целым клубком световых нитей, что соединяли его с мембраной клетки, в которой он находился. Оу не был уверен как, но он с совершенной определенностью знал, что Уо и был тем маленьким ядром.

Все восприятие Оу было для него совершенно в диковинку, оно стало более фокусированным. Если раньше, в естественном для него существовании, он ощущал все сразу, одновременно, то теперь он мог концентрировать свое сознание неким лучом, направляя его в ту или другую сторону. Так он заметил, что если он фокусировался на своей связи с Уо, она проявлялась такой же световой нитью, что соединяли вокруг все остальное. Стоило только Оу расширить область своего внимания или перевести его на что-то другое, как ниточка, соединяющая его с Уо, истончалась, а то и вовсе исчезала.

Когда он позволял себе сконцентрироваться на их энергетической связи достаточно долго, новые, совершенно незнакомые ощущения наполняли его. Ему подумалось, что, наверное, это и были те самые эмоции, за которыми они и отправились с Уо в это приключение. Больше всего в том букете чувств выделялся звук, тонкий, дрожащий, пронзительный, как будто кто-то трогал струну, какой могла бы быть любая нить этой светодышащей матрицы. Звук простирался из бесконечности в бесконечность, и от него у Оу возникало ощущение, что он в одно мгновение расширялся, вбирая в себя все необъятные пространства алефа, и в то же

время сжимался до одной единственной незначительной точки, и весь алеф сжимался вместе с ним. Также он заметил, что этот вытягивающий из него его сущность звук усиливался, как только он переводил луч своего восприятия от связи с Уо на что-то другое. Дрожащие вибрации нарастали почти до крика на несколько мгновений, чтобы затем погаснуть, погрузившись в тишину, как только связь обрывалась.

Пока Оу был увлечен изучением новых ощущений, нечто странное начало происходить с ним самим. В какой-то момент доминантной нотой среди всего этого новообразия восприятия стал тот легкий намек на ощущение собственной тяжести, сама идея которой казалась совершенно несурзадной. Тем не менее, тяжесть эта с каждым мгновением становилась все более ощутимой, корпулентной, как и чувство притяжения, исходящее от дышащего необъятного тела-матки внизу. Притяжение становилось неумолимым. Оу закручивало в некую невидимую воронку, хотя он и пытался сопротивляться. Тем не менее, какой-то голос в его сознании убаюкивающее шептал “Не упорствуй, будет легче”, и почему-то он решил довериться этому голосу, хотя, в общем-то, не то, чтобы у него был большой выбор, потому что затягивающая его сила была всепоглощающей. В конце концов, он потерял все ориентиры, отдаваясь этой силе, что вдавливала его в него самого.

Когда Оу вновь стал способен воспринимать самого себя, он понял что приобрел четкие границы и плотность. Это было неудобно, прежде всего потому, что непривычно. Но как ни пытался он стряхнуть с себя это связывающее чувство несвободы, четкие границы собственной неестественной компактности никак не желали сдавать своих позиций. Мир вокруг тоже изменился. Он стал более объемным, приобрел звук, но не тот звук вибраций тотальности целого, что был изначально знаком духам, — это был какой-то новый параметр восприятия. Мир стал многомерным, но каждое измерение было отдельной плоскостью и бомбардировало ошарашенное сознание Оу мириадами частиц информации, которые, тем не менее, каким-то непостижимым образом складывались в единую картинку. Он понял, что все это было неразрывно связано с его приобретенной компактностью, и решил начать изучение мира с исследования этого нового аспекта своего существования.

Оглядевшись, он определил наличие у себя пятерых конечностей, покрытых густым слоем тонких коротких волосков. Четыре из пятерых конечностей уверенно стояли на поддерживающей его плоскости. Маленькие крючки, тонкие, но крепкие (в этом он почему-то был уверен), выступали из этих конечностей, впиваясь в поверхность, как будто привязывая его к месту, на котором он стоял. Пятая же конечность, слегка подергиваясь, мягко и гибко скользила туда-сюда, из стороны в сторону.

Подняв взгляд — это опять же был совершенно новый опыт, потому что теперь фокус его восприятия зависел не столько от того, куда он направлял луч своего внимания, сколько от чисто физических диспозиций его компактности, — он обнаружил перед собой группу существ, так же внимательно изучающих его самого. Из наличия у них тех же пяти конечностей, что он обнаружил у себя, он сделал вывод, что и все остальные части их физического аспекта должны быть похожи. Их гибкие тела были полностью покрыты шерстью и завершались маленькими, чуть вытянутыми головами, с большими круглыми глазами на них (вот откуда объемность мира) и острыми треугольными ушками на макушках. Большая часть группы виделась Оу как бы в тумане, а самым четким представлялось существо, что стояло впереди своих окруживших того полукругом собратьев и ближе всех к Оу. В момент, когда Оу обратил на него внимание, этот, судя по всему, предводитель сей компании, изящным изгибом всего тела приподнял одну из конечностей и с явным удовольствием пару раз прошелся по шерсти языком. И лишь после того, как он вновь вернул себе устойчивость, опираясь на все четыре лапы, он вперился взглядом в Оу. В этот момент в сознании Оу раздался уже знакомый ему голос:

— Добро пожаловать на Землю.

Глава 4

Сны Мисхраны...

Чужак

Долина была наполнена густой недышащей тишиной. Даже ее шаги не отдавались ни малейшим намеком на звук, на шорох. Тишина переливалась в темноту, и та молчаливой косматой лапой держала долину в своих объятиях. Мертвые горбы гроздьями вздымались по обе стороны тропинки, а та виляла между ними, исчезала в расщелинах, дразнила, периодически выходя на поверхность, как будто показывая язык, и, махнув хвостиком, опять пряталась среди сопок. И все ползла, ползла вверх, за перевал. Каменные изгибы похожи были на спины каких-то спящих чудовищных животных, а огоньки, что периодически гирляндами рассыпались по гребешкам молчаливых гор, высвечивая дорогу к перевалу, — на древние глаза, которые то открывались, чтобы следить за ней, то снова впадали в сон. Было не столько таинственно, сколько жутко, но она не могла уйти. Древняя сила, укрытая в этих камнях, манила. Она чувствовала ее, она знала, что в этой силе хранится ключ и к ее собственной, забытой и потерянной, а может быть вот так же, как бусинки этих огоньков, просто рассыпанной среди окаменелых древних спин. Она никак не могла понять, как же прикоснуться к ней, к этой силе. И бродила, бродила по этим тропинкам, среди молчаливых каменных монстров, не находя ключа.

Впереди по дорожке показалась темным силуэтом мужская фигура, которая как будто ждала ее. Сердце учащенно забилось. Она не могла видеть его лица, но ей хотелось думать, что она знает, кто это. Однако, как только она начинала приближаться, фигура тут же разворачивалась, и, продолжая путь, исчезала за камнями вместе с тропинкой. Так они играли в прятки-догонялки, пока, наконец, тропа, вопреки всем ожиданиям и, казалось бы, знакомым законам природы, не открыла неожиданно вид на совсем другую долину, залитую рассеянным светом. Там, внизу, стоял одинокий шатер, у входа горел огонь, а рядом сидела склоненная друг к другу пара. Женщина держала на руках младенца, оба смотрели на него, иногда поглядывая и друг на друга. Умиротворенные улыбки озаряли их лица.

Она села на камень, наблюдая за идиллической сценой стороннего счастья. Поволока противоречивого ощущения как причастности, так и отчужденности, окутывала ее. Вслед за ней волнами приходила тоска, связывая ее тонкой невидимой нитью в непостижимый треугольник и с парой внизу, и с мужской фигурой, что по-прежнему держалась на расстоянии. Она знала, что сейчас, вместе с пришедшей волной тоски черный силуэт исчезнет, и ей хотелось крикнуть, остановить, но она, как всегда, не успела и...

Зуна открыла глаза, медленно провела пальцами по мягкой и теплой поверхности мха, на которой спала, лениво перевернулась на спину и уставилась в бесконечную даль Зеркального свода. Долго рассматривала переливчатые узоры свода, зная, что где-то среди этих мириад цветных, расплывающихся на серой поверхности точек отражается и она, но разглядеть, конечно, было невозможно. Единственным различимым очертанием, прорисованным на этом недостижимо далеком своде, была четкая граница между цветными пятнами отражений Мира и черной пустотой Великой Пустыни. Была эта чернь сверху отражением того, что находилось внизу, или Зеркальный Свод обрывался точно так же, как и поверхность, что удерживала их здесь, уступая позиции этому непознаваемому Ничто, что звалось Великой Пустыней?

Сон оставил шершавое послевкусие тоски, потери и туман непричастности, как будто она повисла в пространстве между двумя реальностями, не принадлежав толком ни той, ни другой. Здесь, на границе Великой Пустыни, сны были ярче и разнообразнее, чем прежде. Как правило, ей открывались какие-то невообразимые реальности, сцены и персонажи, никогда не виданные ею, и оставляющие настойчивое желание отправится куда-нибудь, неизвестно куда, на поиски этих загадочных дальностей. Но иногда к ней возвращался сон, знакомый с детства, в котором она бродила среди молчаливых валунов в поисках потерянной силы, и темная мужская фигура без лица манила, водила по горным закоулкам, и всегда в конце исчезала, так и не открывшись. С некоторых пор в сон затесались те двое с младенцем в какой-то совсем другой долине. После этого видения Зуна всегда просыпалась с обострившимся чувством потерянности и не принадлежности этому миру. Глядя на всепоглощающую черноту, раскинувшуюся перед ней, она, сосредоточенно дыша, протянула руку к пустынной поверхности. Что будет, если пододвинуться ближе? Если она ее коснется? Вот уже всего лишь один ноготок отделяет ее ладонь от неумолимого Ничто...

— Зууунаааа!

Главное вовремя отдернуть руку.

Поодаль на холме стоял Кизру, и в его округленных глазах читался ужас. На лице Зуны непроизвольно расцвела улыбка. Получилось. У них получилось. А это значит... Что-нибудь да значит. Она махнула рукой и встала, чтобы направиться к визитеру. Он-то уж точно не подойдет.

Кизру ждал напряженно, сжимая средних размеров клетку с какой-то живностью, но по мере приближения Зуны было видно, как что-то в нем расслаблялось, и лицо постепенно тоже расплывалось в ответной улыбке. Зуна замерла напротив друга, и на дыхание показалось, что они оба не знали, что им теперь делать. Лишь на дыхание, а затем дружный смех рассыпался в воздухе.

— Я думал, я тебя не найду. — Несмотря на несколько обвинительную форму высказывания, мальчишеские глаза искрились восторгом.

— У тебя получилось. — Восторг ощущается слаще, когда его можно разделить на двоих.

— И у тебя.

Она оглянулась на цветастый треугольник шатра, что безумным цветком выделялся среди буро-зеленых дюн, и пожала плечами.

— Не знаю. Это место казалось самым подходящим.

— Почему-то я не удивлен. — И вновь напряжение: во взгляде, во вздохе. — Не понимаю, как ты можешь так близко подходить. Никто не может, а ты... Это... ненормально.

Зуна лишь укоризненно посмотрела на друга.

— Конечно, ненормально. Кому как не мне быть ненормальной?

Кизру выдохнул, и проскользнуло в этом выдохе чувство вины.

— Как ты?

Еще один жест плечом, и глаза-лодочки, отведенные в сторону, туда, где по другую сторону холма барханы омывали еще одно диковинное строение, не похожее ни на что, что можно было бы увидеть в мире сиуру: слишком простое, не привлекательное, обыденное. Не совершенное. Серебристые стволы Дикого Леса — грубые, неотесанные, сваленные друг на друга в прямоугольные стены. Загадка, существующая по соседству, что периодически занимала ее воображение. Но не настолько, чтобы предпринимать что-то для ее разрешения — не до того ей было.

— Не знаю. — Она оглядела еще раз бесконечное зеленое море, волнящееся вдоль непреодолимой черной границы. — Я здесь. И да, когда я пришла, мне показалось, что это мое место. Но как я могу быть уверена? Есть ли здесь вообще для меня место?

— Зуна...

Она прервала его жестом руки, как бы отметающим прочь то, что повисло в воздухе, и с чем не хотелось иметь дела. И снова улыбнулась.

— Ты все-таки нашел меня. А значит, возможно, ты был прав, и есть другой путь. — Она потянула друга за рукав, усаживаясь в бархане. — Давай, расскажи мне все подробности.

— Подожди. — Он протянул подруге свою поклажу. — Это... я... тебе... Правда... — совершенная голубоглазая физиономия паренька уткнулась рассматривать особенности расщепчатости мха в условиях его естественного обитания, — странная она получилась.

— Ну, странным меня не удивишь, — Зуна, предпочитая не замечать смущения друга — так проще, а то объясняйся еще потом — рассматривала клетку из которой, нахохлившись, подозрительным взглядом на них взирало нечто и похожее, и не похожее одновременно, на птицу. Черную птицу.

— Так что же это тут у нас? — Она осторожно открыла дверцу клетки и подставила к ней свою руку. — Как тебя зовут, чудовище?

Странное создание повертело головой то так, то этак, недоверчиво косясь глазами-бусинами на предложенный мост к свободе. Подошла поближе. Потом еще поближе. Подозрительный предмет исследования — рука — не шевелилась, никаких признаков агрессии не демонстрировала. Так, шагком за шагком, живность все-таки перебралась на Зунину конечность, которую та медленно и осторожно приподняла до уровня глаз, дабы получше рассмотреть чудовище. Птица держала голову наклоненной немного в бок и смотрела на Зуну исподлобья. И когда птичьи глаза оказались на одном уровне с глазами девчонки, на какое-то мгновение у Зуны возникло ощущение, что за черными зрачками открывалась бездна, точно такая же, как та, к которой всего несколько дыханий назад она пыталась прикоснуться. Ощущение было... неожиданным, но погрузиться в него ей не дали. Черное чудо в перьях на ее руке издало раскатистое “Кррррр!”, так что оба юных натуралиста вздрогнули, и в возмущенном жесте распахнуло... крылья.

— У нее что, крылья есть?! — в голосе Зуны проскользнули оттенки как недоверия, так и восхищения. — Она, может, еще и летает?

Как будто в ответ, чудовищное создание сорвалось с руки и в несколько взмахов крыльев перебралось к Зуне на плечо, усевшись там, как будто место принадлежало ему по праву рождения. Зуна подозрительно покосилась на оккупанта, а затем перевела вопросительный взгляд на друга. Тот лишь виновато развел руками.

— Так получилось.

— В смысле?!

Мальчишка устало закрыл лицо ладонями.

— Это все из-за затмения. Что это было? — вопрошающий взгляд из-под ладоней на подругу, как будто у той имелись ответы на его экзистенциальные вопросы. Та лишь в очередной раз пожала плечами:

— Понятия не имею. Мне вообще не до того было. Я пришла, выбрала место, разбила твой шатер, и завалилась спать. А когда я проснулась, все уже закончилось.

— И что, даже ничего не почувствовала?

Зуна посмотрела на товарища укоризненно. Вот что за вопросы он задает человеку, ни к чему в этом мире не приспособленному? Нет, она-то как раз затмение почувствовала. Вернее, оно ей приснилось. Но это не тот факт, о котором кому-либо стоило рассказывать. Даже лучшему другу.

— Хорошо тебе, — вздохнул Кизру.

— Поверь мне, не очень. Так что же там с затмением?

— Это было... ужасно.

Зуна воззрилась было на товарища скептически, но увидев выражение его лица, язык прикусила. Вид у того действительно был отражающий нечто, что жителям сиуру было совер-

шенно несвойственно. Казалось, стеклянным взглядом Кизру уставился в самую глубину Великой Пустыни и даже не замечал, что смотрит в бездну, а глаза его зеркалом отражали парализующую чернь.

— Представь, что тебя вдруг изнутри начинают наполнять самые разные ощущения, и ты ничего не можешь с ними поделать. — Подобное Зуне представлять как раз-таки было не нужно, но опять же, это не было тем, чем она собиралась с кем-либо делиться. — И внутренний резерв тебя не слушается, и ты с одной стороны вроде как переполнен чем-то непонятным, а с другой ощущаешь себя совершенно пустым. А Столпы Творения умирают у тебя на глазах. И темнота. Она была... какая-то неправильная. Я думал, что мы все умрем. И... — Кизру вновь обратил свой совершенный лик к Зуне с выражением, как будто он собирался открыть ей самый главный секрет мироздания, —я думаю, это был страх.

Зуна вновь оставила свои мысли при себе.

— А что говорят старейшины?

Мальчишка лишь покачал головой.

— Ничего не говорят. Никто ничего не понимает.

Они помолчали. Кизру, хмурясь, пропускал через пальцы песчинки мха.

— А ты не думала... — он посмотрел на подругу исподлобья, со странной смесью вины и настороженности...

— Что?

— Что это как-то связано... ну... с тобой?

— В смысле?

— Ну, смотри: ты ушла и настала темнота. Какое-то это слишком подозрительное совпадение.

— Ага. А Свирепый Гру рычит, когда я чихаю. И вообще я Великая и Ужасная Повелительница Зеркального Свода и Великой Пустыни.

— Ну... — Кизру многозначительно попереволил взгляд с Зуны на место ее стоянки, где она не так давно пыталась дотянуться до всепоглощающей пустоты.

Зуна лишь рассмеялась в ответ, прислушиваясь как в спине скручивается в привычный узел змея. Тоже мне, “великая повелительница”. Друг, конечно же, ничего за смехом не заметил.

— А еще... в суэ начали ходить слухи...

— Слухи? С каких пор сиуру увлеклись слухами?

— Вооот! О том и речь. Ты знаешь, мне теперь все время залетают в голову какие-то мысли, которые непонятно откуда берутся. Как будто, я сам по себе, а мысли — сами по себе, но они во мне. — И Кизру передернуло, как будто тело его пыталось избавиться от непрошенных ментальных гостей.

— Так, а со слухами что?

— Говорят, что в мире завелся ловец снов.

— В смысле? Какой такой ловец снов? В мире сиуру нет же снов.

— Вот именно. Снов нет. А слухи о ловце снов есть. Причем никто не знает, ни откуда они взялись, ни что такое “ловец снов”. Но все это вызывает очень... неприятные ощущения. И даже с возродившимися Столпами Творения, у меня, например, далеко не всегда получается направить эти ощущения во внутренний резерв. Работать стало... сложнее. Старейшина Куно недоволен. А я всего лишь хотел сделать тебе подарок.

Кизру с каким-то виноватым выражением лица посмотрел на птицу, восседающую на плече у Зуны и до тех пор не особо напоминавшую о себе. Но, видимо почувствовав внимание, она вдруг встрепенулась, и со своим обычным всеобъемлющим “Кррррр!”, вновь переменила место дислокации.

Вздрыгнули оба. Черный монстр, тем не менее, полностью проигнорировав доставленные публике неудобства, принялся ворошить весьма немаленьким клювом близлежащий мох, что-то там изучая.

— Мне нравится, — высказалась Зуна.

Кизру посмотрел на нее завороженно. Зная ее с детства, он вполне верил, что сказала она это не просто для того, чтобы утешить друга, но потому что сие странное создание действительно могло вызвать у нее некое чувство сродства. Кому как не неспособной к материализации калухе иметь в питомцах птицу, которая летает?

— Так как же ты все-таки меня нашел?

— Ты знаешь, это оказалось достаточно просто. Вернее... было бы достаточно просто, наверное, если бы не вот это вот все... — он сделал неопределенный жест рукой вокруг себя. — Это как когда ты участвуешь в Выборе: ты просто знаешь, что правильно. И здесь я тоже просто знал, куда идти. Правда, со всем происходящим, это внутреннее знание, оно как будто терялось иногда. Знаешь, вот оно есть, и вдруг его уже нет, и я весь в сомнениях — что правильно?

Зуна на это издала недоверчивое “пффф”.

— Вот-вот, какой сиуру будет испытывать сомнения, правда ведь? Я тебе говорю, происходит что-то странное... Периодически я как-бы терялся, и все никак не мог выбрать направление, и все предыдущее знание казалось каким-то зыбким, ненадежным, и я все время думал “А вдруг я ошибаюсь? Как я могу быть уверен? А если я пойду не туда?”, и так до бесконечности. Но все-таки самосозерцание — великая практика. Наши предки знали, что делали. Каждый раз, стоило только очистить резерв — и я снова чувствовал путь.

— Значит, ты был прав. — Зуна восхищенно посмотрела на друга. — И что нам с этим делать?

Теперь была очередь Кизру пожимать плечами.

— Не знаю. Все, что пока очевидно, это то, что мы не все знаем о мире. Мы не используем все возможности, что у нас есть. Надо продолжать экспериментировать. Если старейшина Куно меня не прибудет. Или... — Кизру замер, его глаза вновь отразили чернь Великой Пустыни, что внушала столь парализующий трепет любому жителю сиуру.

— Что? — голос Зуны был насмешлив, и насмешка эта разносилась над барханами, словно переливы поющих кристаллов. Как будто в поддержку черный монстр тоже выплюнул пару смешливых “Кррр!”, обратив треугольный клюв к Зеркальному Своду.

— Как ты можешь здесь жить?! И вообще, это место заставляет что-то скручиваться у меня внутри. А это очень неприятно. Как будто больше нет никого в мире кроме нас с тобой. Жуть какая.

Зуна обвела взглядом бескрайние волны мшистых барханов, проследила, как вздымается вверх до бесконечности всепоглощающая стена Великой Пустыни. А где еще ей, неспособной даже возвести свой собственный пао, быть, как не там, где кончается мир, в котором ей не было места?

— Мне нравится, — повторила она фразу, произнесенную всего лишь несколько дыханий назад.

— Я и не сомневался. Только... скажи мне на милость, что вот это такое? — и он направил вопрошающий жест на загадочное строение, зарывшееся в дюны внизу холма, на котором они сидели.

— Это...

Она вдруг резко повалилась на мох, потянув за собой Кизру. Черная птица возмутилась было очередным “Крррр”, дескать, что за переполох, но Зуна энергично замахала на нее руками, и, на удивление, чудовищное существо, пару раз возмущенно расправив крылья для порядку, больше не издало ни звука, и в гордом молчании прошествовало по бархану к друзьям, чтобы вместе с ними занять наблюдательную позицию.

Загадочный обитатель нелепого строения, которого Зуна уже не раз наблюдала разводящим свою нелепую деятельность слишком близко от ее территории — видимо прав Кизру, и что-то действительно у нее получилось, раз уж она считает эти барханы своими — вновь творил некие странные ритуалы. Он вынес из строения небольшой кусок мертвого дерева. Зарыл его основание в мох. Вынес еще несколько таких же. Каждый он устанавливал на изначальный брус, и затем, замахиваясь сверху загадочным инструментом, который состоял из куска металла приделанного на толстую палку, разрубал кусок дерева на две половины. В завораживающем танце тела и рук — вверх-вниз, вверх-вниз — несчастные остатки мертвых деревьев разлетались на маленькие кусочки. Когда от одного бруса оставались только щепки, он брал следующий, и танец продолжался. Смысл действия ускользал от двух наблюдателей, которые, затаив дыхание в страхе каким-нибудь неосторожным движением привлечь внимание, взирали на сей ритуал из-за дюны.

— Это кто? — прошептал Кизру, не отрывая взгляда от странного персонажа производящего странные действия.

— Понятия не имею.

— Что значит “не имею”? Ты что, его раньше не видела? Он же тут у тебя под боком обретается.

— Видела. И что? Он там. Я здесь. Я его не трогаю, он меня не трогает.

— Тебе что, даже не интересно, кто он такой и откуда взялся?

— Ты же знаешь, я не особо люблю общаться с незнакомцами. Когда я пришла, его здесь не было. Ни его, ни... этого вот, — она произвела пасы руками, указывая на деревянную постройку слишком уж чуждую для мира сиуру. — Здесь было костровище. Тоже, конечно, странно, но мне было не до выяснений. А когда я проснулась, он тут уже строил.

— Как “строил”?!

Зуна пожала плечами.

— Представь себе: руками. Таскал бревна из Леса и складывал их вот в это.

— Жуть какая.

— Ты думаешь? Даже ужаснее соседства с Великой Пустыней и умирающих Столпов Творения?

Кизру аж подскочил, поворачиваясь к подруге:

— А что, если это он?!

— Кто “он”?

— Ловец снов!

Зуна оторопело посмотрела на приятеля.

— Да ну, перестань. Тоже мне, набрался слухов, — произнесла она, но как-то неуверенно, потому что злобный узел-змея в спине, раз проснувшись, и не думал прекращать свою диверсионную деятельность, сжимаясь и скручиваясь так, что сердце начинало биться, что копыто Свирепого Гру, пробиваясь пульсом в места для проявления этого самого пульса совершенно не предназначенные.

— А ты что, хочешь сказать, что он похож на сиуру?

И они оба вновь уставились на странного жителя нелепых, неизвестно как появляющихся в мире (вручную построил! ну надо же!) строений и исполнителя загадочных ритуалов.

Объект их наблюдений на жителя сиуру действительно походил мало. Начать хоть с более чем престранной одежды: плотно обтягивающие ноги штаны из какой-то незнакомой сиуру грубой грязно-голубоватой ткани, цельная рубаха, которая с одной стороны казалась свободной, не сковывающей движений, струящейся, а с другой — все равно обволакивала тело так, что из под ткани проступали... Ммм... В мире Сиуру носили свободные, струящиеся одежды, поэтому что там проступало под этой загадочной рубахой вообразить Зуне было трудно.

— Неее, — задумчиво протянул Кизру, — все-таки он не наш. Похож, конечно, но физиономия у него какая-то волосатая.

— И одежда эта странная.

— И занимается непонятно чем...

— Но... сны же — это неконтролируемые проявления психе, которыми страдали наши предки...

— Что ты меня просвещаешь? Не маленький, а мы не в Колыбельной.

— Просто сам подумай: если этим страдали наши предки, а теперь никто не страдает, что бы здесь забыл этот самый “ловец снов”, если такое вообще существует? Как сны можно ловить? Он их руками собирает и в мешочек складывает?

— Откуда я знаю? Вот пойдешь, у него и спроси. Твой же сосед. А то лежим здесь, как кырчуну в засаде, меня тоже уже начинают одолевать эти самые “неконтролируемые проявления психе”.

Зуна задумчиво посмотрела на друга, затем вновь на предмет их обсуждения, и решительно поднялась из бархана, в котором они прятались.

— А вот и пойду.

Ее соратник решительности этой явно не разделял.

— Зун, а может не надо?

Не внушали ему доверия всякие подозрительные личности, обитающие у самого края Великой Пустыни и занимающиеся непонятно чем.

— Надо, — ответила подруга, уже даже не смотря на него. От ее взгляда, направленного на чужака, Кизру на дыхание стало не по себе: так смотрела мать Зуны, и Кизру всегда хотелось спрятаться от ее взора куда подальше. Вот и пусть после этого утверждает подруга, что она не калуха. — Сам же говоришь: он мой сосед. И это моя территория, здесь мой пао.

И под недоверчивым взглядом Кизру Зуна молча стала спускаться с холма.

Ощущала себя Зуна, на самом деле, совсем не так уверенно, как показалось ее приятелю. Узел-змея в спине добрался аж до горла, сжал его петлей, а низ живота превратился в камень, наполненный пустотой Великой Пустыни. Подойти и заговорить с незнакомцем, вот так вот, ни с того, ни с сего, было совершенно немыслимо. Но она все же спускалась, потому что там, наверху, за ней наблюдал Кизру, так что отступить от задуманного тоже не представлялась возможным. И воображая себе, как она ныряет в черноту Великой Пустыни, она молча, шаг за шагом, приближалась к загадочному страннику из другого мира, который по-прежнему колдовал над своим непостижимым ритуалом.

Когда она была уже совсем близко, одна из щепок подпрыгнула от удара, сделав кульбит в воздухе, и бесшумно, но радикально грохнулась ей под ноги. “Кррр!” вдруг раскатилось прямо возле ее уха, и черные крылья, бесцеремонно задев ее щеку, несколько раз шумно полыхнули в воздухе. Она совершенно забыла про чудовищный крылатый подарок Кизру, который вновь нагло уселся у нее на плече. Вздрогнув от неожиданности, Зуна замерла, в молчании уставившись на того, с кем она пришла устанавливать контакт. Тот, похоже, контактом никак не интересовался. Он лишь на мгновение остановил свою деятельность, оглядел Зуну исподлобья, и мрачно бросил:

— Отойти подальше, заденет еще.

Она неуверенно сделала пару шагов назад, в сомнениях, было ли это достаточно безопасной дистанцией, и замерла в ожидании. Незнакомец возобновил свою разрушительную деятельность. В его движениях была какая-то успокаивающая размеренность, и даже отсутствие всякого смысла, казалось, приобретало смысл от этой размеренности. Симфония шагов и движений. При каждом взмахе Зуна начинала колебаться: стоит ли еще здесь стоять, или можно

уже уходить восвояси. Мысль о том, что можно просто уйти, приносила облегчение. Но вот от всех деревянных стволов осталась только груда тонких корявых щепок, и с этой грудой в объятиях незнакомец еще раз пристально посмотрел на стоящую в агонизирующем молчании Зуну и небрежно кивнул ей пригласительным жестом, прежде чем исчезнуть в устрашающем горле странного дома. Она поняла, что спасения не будет, и сделала шаг вслед за тем, кто возможно знал ответы на загадки ее жизни.

Безумное жилище безумного сокрушителя мертвых деревьев встретило Зуну незнакомым кислым запахом. Странные предметы были разбросаны по полу то там, то тут, и она, представив как хозяин наступает босой ногой на что-нибудь из этого несусветного интерьера, невольно поморщилась. "Больно же будет". Хозяин, по всей видимости весьма равнодушный к подобной перспективе, скинул последнюю груду нарубленных щепок у стены, рядом с остальными сородичами по несчастью, и принялся за еще более удивительное действие. Сложив несколько принесенных жертв своей разрушительной деятельности горкой на странном костровище, что располагалось прямо посреди избы, обложенное огневыми кристаллами, протянул руки, и через пару дыханий деревянные огрызки начали дымиться, медленно занимаясь огнем, а вскоре тот уже всю пылал. Смысла данного ритуала Зуна тоже не поняла. Огонь просто для того, чтобы был?

У окна стоял массивный, неотесанный деревянный стол. Он тоже был завален хаосом самых разнообразных предметов, а еще кучей тонких белых листов, исписанных от руки словами, цифрами, формулами и изрисованных схемами. Никакой закономерности, никакого порядка: дикое буйство жизни, совсем как у калух. Стол Зуне понравился. У нее никогда не было такого количества вещей, но ей подумалось, что если бы они у нее были, то ей хотелось бы иметь для них вот такой стол. Незнакомец тем временем выудил замутненную бутылку размером с локоть, в которой бултыхалась какая-то светлая жидкость. Слева от стола в углу на мху стоял пугающий аппарат, состоящий из различной величины пузырей, соединенных друг с другом витиеватой системой змееобразных трубок, из которых капало переливающееся зеленым зелье. Зуна поняла, что кислый запах, что ударял по носу при входе, доносился именно из этой загадочной конструкции.

Хозяин плюхнулся в некое подобие огромного стула с подлокотниками (конечно же, тоже деревянного) и, периодически попивая из того самого бутылка, принялся внимательно, изучающе рассматривать гостью, которая по-прежнему топталась у порога. И молчал. У Зуны сдавило грудь. Она чувствовала, как отчаянно бухало сердце, и медленно, но верно, начинали рассыпаться в мох коленки. Как бы ей хотелось быть сейчас где-нибудь в другом месте, где угодно, только бы не здесь. Лишь бы не нужно было ничего говорить. Но она стояла перед этим пугающим неизвестностью и манящим обещанием разгадок незнакомцем. Просто развернуться и уйти? Невозможно, немисливо. Он мог знать. И если она сейчас не спросит о том, зачем пришла, она сама себя потом обречет на такие мучения, что непомерная тяжесть в спине и удавка, что сжимала ей горло, будут милейшими цветочками. Так что выхода не было. Она представила, как она стоит у края бесконечной черной пустоты. Нужно всего лишь сделать шаг. Только один шаг. Перестать о чем-либо думать, оставить все за спиной и просто сдвинуться в места. И она шагнула.

К столу. Сначала она растерянно разглядывала царящий на его поверхности бардак. Бездумно пошарила пальцами вокруг, даже не обращая внимание на то, что это она там трогает. Затем с отчаянием древнего охотника, прыгающего из засады на свирепого гру, развернулась к столу спиной, чуть ли не села на него. Главное смотреть прямо в глаза и переть напролом.

— А ты кто?

Выражение лица незнакомца никак не изменилось. Он по-прежнему ее внимательно изучал.

— А ты кто?

— А я твоя соседка, ты что меня раньше не видел?

— Ну тогда я твой сосед. Ты что, меня раньше не видела?

Мда, вот и поговорили.

— Мы просто с моим другом тут поспорили, что ты и откуда ты взялся.

— И какие у вас были варианты?

— Ну, в суэ говорят, что в мире завелся ловец снов. Вот мы и подумали, может это ты?

А то на сиуру ты не похож.

Незнакомец откинул голову назад и закатился хохотом. Потом поднялся и подошел к зависшей на краю стола Зуна почти вплотную, все так же молча ее разглядывая и отхлебывая зеленоватую жидкость из замутненного пузыря, который он не выпускал из хватки. Она снова почувствовала стук своего сердца, и чтобы отвлечься от страха, тоже принялась его разглядывать.

На самом деле, он был очень даже похож на сиуру. Ну, вот нос, вот глаза, конечности тоже вроде все на месте. Если бы не его загадочные действия, лицо, наполовину покрытое волосяной порослью, и эта странная одежда, она бы уже начала сомневаться во всей этой теории с ловцом снов. Мало ли кто от своего клана откололся? Только вот какого он может быть клана? Длинные темные растрепанные волосы могли свидетельствовать только о принадлежности одному из кланов Пути Сердца. Вот только какому? Творящих Жизнь? Там все такие же голубоглазые блондины, как Кизру. Из Покровительствующих Плодородию мог бы быть, там много таких охламонов, которые в экстазе слияния с природой могли бы и о собственной внешности забыть полностью. На время, во всяком случае. Правда вот этот волосяной покров на нижней части лица смущает, такого она ни у кого из сиуру никогда не видела. Ни в одном клане. И еще... Что-то не вяжется в его облике с Путем Сердца, совсем не вяжется. Черты лица жесткие, волевые, больше навевающие на мысли о Пути Силы. И взгляд холодных, прозрачных, как дождевые кристаллы, глаз. У Смотрящих во Тьму такой взгляд. Вот только никто никогда не откалывался от Смотрящих во Тьму. Зуна вспомнила просыпающийся от протянутой руки огонь и костревище, обложенное огневými кристаллами. Профессионально так обложенное. Укротитель?

Нет, не похож он все-таки на сиуру. И дело даже не в несостыковке отдельных деталей. Было в нем что-то неуловимо чуждое и странное. Только вот Зуна не могла понять, что. Вроде, каждую черту по отдельности рассматриваешь, и все нормально, обычно-привычно. А все вместе, что-то не то. Не было в нем такого дорогого сердцу сиуру совершенства. Правда, что же все-таки было в нем несовершенно, ускользало от понимания. Был бы он женщиной, можно было бы подумать, что он калуха. Но так мужчина же.

Они продолжали играть в молчалки-гляделки, и Зуна понимала, что еще чуть-чуть, и она уже не сможет заговорить о том, зачем пришла, и все, о чем она сможет думать, это как поскорее сбежать отсюда, и даже насмешки Кизру ей будут не страшны. Наглости ей не хватает, побольше наглости. И она нагло уставилась незнакомцу прямо в глаза-кристаллы. И глядя в них, она уловила то, что она никогда не видела и не чувствовала ни в одном из сиуру, но то, что было ей очень хорошо знакомо — злость. Незнакомец был зол. На Зуну, на мир, кажется на себя тоже, и еще на что-то или кого-то далеко-далеко за пределами мира, никакого отношения к нему не имеющего. Зуна даже дышать боялась от своего открытия и осознания своего везения и невероятности происходящего, потому как чувствовала она, что за этой кристальной стеной холодного взгляда, помимо злости, бурлит знакомый коктейль из самых разнообразных переживаний. Такой же, как в ней.

Тем не менее, никакой восторг от мысли о невероятной находке родства душ не мог перебить в ней осознания, что одним из объектов его злости была она. Он злился на нее. И оттого змея в спине начинала шевелиться, и узелок затягивался крепче. И если бы она отвела глаза, то возможно разговор на этом все-таки закончился бы. Но она их не отвела. Она продолжала в них смотреть. А потом...

Потом с ней произошло то же, что буквально на несколько дыханий случилось, когда она первый раз заглянула в глаза своей недавно приобретенной чудовищной птице. Бездонное кристальное пространство его глаз вдруг начало разливаться, заполняя собой все и обращаясь в безумную бесконечность, черное все поглощающее ничто. И она по частичкам рассыпалась и растворялась в черноте, в пустоте, в бесконечности. Переставая быть. И вместе с тем, становясь всем. Всего лишь несколько дыханий, которых и не было, потому что Ничто не может дышать, да и не зачем ему.

А потом в воздухе взорвалось протестующее "Крррр!!!", жесткие перья черных крыльев в очередной раз нагло огрели ее по виску и щеке, и мрачная птица, до сих не выдававшая себя ничем, тихо и неприметно сидя у нее на плече, сорвалась в воздух. После нескольких взмахов и пары кругов под крышей-потолком, она совершенно бесцеремонно приземлилась на стол и принялась по-деловому расхаживать среди лабиринта всех тех предметов, что на нем валялись, совершенно не обращая никакого внимания на прочих присутствующих. В любой другой ситуации Зуне, возможно, стало бы неловко; она, наверное, принялась бы извиняться и постаралась бы изъять птицу с оккупированной территории; но сейчас ей было не до того. Сердце бешено звенело в набат. Пространство внизу живота конвульсивно сжималось в маленький комочек от мысли о том, что могло произойти, и в то же время по телу разливалось сожаление от том, что то самое, что могло случиться, все же не случилось. Руки намертво ухватились за ребристую грань стола. Что-то достаточно болезненно беспокоило одну из ладоней, но Зуна все равно ее не разжала. Ей необходимо было сейчас ухватиться за что-нибудь материальное. Она больше не осмеливалась смотреть незнакомцу в глаза, и глядя куда-то наискось на уголки губ в смятении спросила:

— Ты ведь не сиуру, правда?

Незнакомец стремительно отвернулся.

— Нет.

— А кто ты?

Он вернулся на прежнее место и снова развалился в своем деревянном, и должно быть весьма неудобном кресле.

— Остановимся на версии с ловцом снов.

Подобная формулировка явно указывала Зуне на то, что версия сия не верна, но верной делится с ней никто не собирается. Она обреченно вздохнула, но продолжить продолжила.

— Но ведь здесь нет снов.

— Поверь мне, этот факт меня ничуть не радует. — Еще один затяжной глоток из бутылки.

— А зачем тогда? Я имею в виду, зачем ты здесь?

— Меня никто не спрашивал.

— А как ты сюда попал?

— В осадок выпал.

— То есть?

Он раздраженно сморщился.

— А к чему все эти вопросы?

Тут настала очередь Зуны рассматривать мох по ногами.

— А ты можешь рассказать мне про сны?

Прямо надо смотреть, прямо. Хоть страшно до жути, потому что он сейчас ей откажет, и все, о чем она сможет думать, это как бы провалиться в мох, убежать, исчезнуть отсюда, и никогда больше не вспоминать об этом позоре. Но пока смотреть надо прямо.

Станный хозяин странного места застыл с рукой, обнявшей бутылку, зависшей на полпути к еще одному глотку.

— В каком смысле, про сны?

— Ну, что это такое, откуда они берутся, и почему, например, в нашем мире их никто не видит?

Сощуренные глаза смотрели на нее изучающее и как-то с насмешкой.

— А тебе-то это зачем?

Зуна неуверенно пожала плечами.

— Интересно.

Только бы не выдать себя, только бы не выдать. Но лишь взгляда мельком на оппонента в деревянном кресле ей было достаточно, чтобы сердце вновь бешено заколотилось от ощущения предрешенности неизбежного. Под взором незнакомца она почему-то испытывала то же самое, что много раз чувствовала, когда на нее смотрел Хранящий Благоденствие Киуру, который Зуне никогда не нравился, потому что инстинкты ей нашептывали, что он не разделял всеобщего по поводу нее восторга. Под взглядом Киуру внутри Зуны постоянно шевелилось ощущение, что он знает про нее всю правду, и что только стоит ему открыть рот, и ужасающая эта правда выльется наружу, на всеобщее обозрение. Вот и сейчас, боясь даже вздохнуть от тяжести, навалившейся на грудь, она обреченно думала, что этот незнакомец смотрит сквозь нее прямо вглубь всего водоворота ощущений, что с детства отравляли ее существование.

Но если водоворот и был доступен незнакомцу, то он никак сего знания не выдал. Лишь губы, вслед за взглядом, кривились в насмешке.

— А что я буду с этого иметь?

Тут Зуне отчаянно захотелось стать очень хорошей, и нужно было срочно доказать незнакомцу, что она такая и есть, что она правда-правда приложит все усилия, чтобы оправдать, чтобы оказаться на высоте, чтобы быть полезной, только бы он не передумал.

— А что ты хочешь?

Пристальный взгляд глаз-кристаллов вновь пробуравил ее насквозь.

— Мне может понадобится твоя помощь, чтобы убраться отсюда.

— Но... я не знаю как. Что для этого нужно?

— Мне нужна твоя сила.

Зуна не поняла, о чем он, но горло уже першило от разочарования.

— Но у меня нет никакой силы, — главное не заплакать, не выдать ничем кипящий внутри водоворот, и вновь сворачивающийся узел.

Взгляд незнакомца в очередной раз заискрился насмешкой.

— Ты же ведьма?

— Калуха, — Зуна пожала плечом. А сила-то тут причем?

— Ведьма, — игнорируя корректирующий тон гостыи, утверждающе припечатал незнакомец. — Ты ведь знаешь, отчего мужчины так рвутся в отцы для ваших дочерей?

Она усмехнулась: — Привлекаем мы их. Говорят, что ночь близости с калухой не забывается. — И тут у нее внутри все замерло от ужасающей догадки. — Ты хочешь стать отцом моей дочери?

Глаза-кристаллы по-прежнему были холодны и ироничны.

— Зачатие ведь может произойти только по желанию и решению самой ведьмы, так что в отцы я не напрашиваюсь. Меня интересует все остальное.

Зуна изо всех сил старалась не выдать ничего из того, что обуревало ее изнутри, но почему-то была уверена, что получалось у нее плохо.

— Ну, давай посмотрим. Скажи, как влияет на мужчину близость с ведьмой?

Она задумалась, перебирая в мыслях все, о чем когда-то слышала.

— Ну, какое-то время благоденствие к нему более благосклонно, чем к остальным.

— Именно. Эти мужчины становятся лучшими мастерами. К ним приходит способность творить вещи, которые не просто не подвластны другим, но о которых ранее они просто даже

не способны были помыслить. Им улыбается удача, а вместе с ними и их кланам. Это эффект силы. Силы, которую они получают от ведьмы.

Он хочет провести с ней ночь? Ее почти парализовало от этой мысли, но в то же время сердце забилось в... предвкушении? Она не знала, чего в ней обитало больше: ужаса от мысли о том, что он ей предлагает, или экзальтированного ожидания. Но этого никак нельзя было показывать незнакомцу. Ни того, ни другого. Неопытная девчонка. Ведьма? Какая из нее ведьма? Нет у нее никакой силы. Но ведь он, наверное, этого не знает? Ведь если бы видел, не предлагал бы? Но вот если она сейчас выдаст свою неуверенность, свои сомнения, свой страх, то может и передумать. Он... От него веяло опытом и знанием. Холодным таким, от которого мурашки пробирали. Зачем ему неопытная, неуверенная в себе девчонка? Передумает. У непонятно ей было, расстроилась бы она или вздохнула бы с облегчением, случись такое. Нет, она может показать себя взрослой, играть по его правилам.

— Калуха не может позволить себе близость с мужчиной помимо зачатия дочери, иначе она может потерять свою силу, — смотреть в глаза, прямо, как бы страшно и неловко не было. Но ей почему-то казалось, что несмотря на все ее усилия незнакомец не особо верил в ее невозмутимость.

— О чем мы здесь и говорим, — он опять усмехнулся сверля ее взглядом с таким видом, как будто все ее внутренние процессы не были для него никакой тайной: ни мысли ее, ни засасывающая пустота в животе, ни тянущий вековой тяжестью узел в спине. — Мне нужна твоя сила.

Но у нее-то нет никакой силы. Чем ей грозит согласие, помимо теоретического гнева незнакомца, который, возможно, на нее обрушится, когда он поймет, что остался в накладе? Без зачатия, без силы, просто ритуал? Зуна судорожно перебирала в памяти все, чему ее когда-то учили, но знаний было катастрофически мало. Никто никогда не задавался вопросом, что будет с калухой, у которой нет силы, если она согласится на ночь близости с мужчиной без зачатия дочери. Этого просто никогда не было, никому не приходило в голову. И калух без силы никогда не существовало, пока не родилась Зуна. Посоветоваться бы с кем. Но с кем? С матерью об этом не поговоришь. С матерью Зуна вообще не собиралась больше разговаривать, ни о чем и никогда.

Незнакомец тем временем, с высоты превосходства, продолжал сверлить Зуну своим сканирующим взглядом, то и дело прикладываясь к бутылки в руке.

— В любом случае, я буду искать другие варианты, как мне отсюда выбраться. Я, знаешь ли, привык все же строить свои отношения с женщинами на несколько других условиях. Но вполне возможно, что других вариантов я не найду, и тогда мне придется прибегнуть к твоей помощи. А у тебя пока есть время подумать.

— Хорошо, я подумаю. — С трудом она оторвала ладони от стола, за который все это время продолжала судорожно хвататься для опоры, и со всей силы сжав кулаки, направилась к выходу. Она уже знала, что согласится, хотя было безумно страшно, до потери дыхания. Лишь бы только он не передумал. И нужно сделать так, чтобы он сначала научил ее всему, что знает про сны, до совершения ритуала. Потому что после него он скорей всего уже не захочет иметь с ней дела.

На пороге она остановилась, на одно дыхание задумалась и в неуверенности, чуть повернув голову, бросила через плечо: — Меня зовут Зуна. — Не дождавшись ответа, все же развернулась, чтобы опять встретиться напрямую с этим насмешливым холодным взором глаз-кристаллов. Он начинал ее злить. Незнакомец как будто это почувствовал, потому что в конце концов ответил: — У меня нет имени. Но если тебе так удобнее, можешь называть меня Макс.

Зуна слегка кивнула в знак согласия и стремительно вырвалась из избушки почти бегом. Для первого знакомства странностей, пожалуй, было достаточно.

Похмелье сна отступало как всегда неохотно, цепляясь за сознание паутиной рыжих волос, что мерцающими галактиками растворялись в непроглядной тьме. Продравшись все же сквозь марево наваждения, проснувшийся Поводырь долго и старательно не открывал глаза, прислушиваясь к своим ощущениям. Все было без изменений. Мир он по-прежнему чувствовал, алеф тоже, выход на информацию был, а выхода из проклятого мира не было. А посему глаза открывать не хотелось. Какой смысл?

То ли по привычке, то ли от злобного отчаяния, он вновь, мгновение за мгновением, стал перебирать каждый свой шаг с того ненавистного дня, когда он оказался в этом всеми сновидящими богами забытом мире, в тысячной попытке найти лазейку. То и днем-то назвать нельзя, потому что в этом чертовом месте не было ни дней, ни ночей, будь оно все проклято.

Он прекрасно помнил тот момент, когда он проснулся здесь, примерно вот на этом самом месте, плохо понимая, что он и где он, с такой гудящей тяжестью в голове, что невольно вспомнилась прошедшая несколько вечностей назад загульная молодость — период его жизни, уже давно затертый из памяти за ненадобностью, как безнадежно устаревший. Тогда он в растерянности стал перебирать детали последнего перехода, предшествующего его загадочному появлению здесь в этом непонятном месте. Все проходило, как обычно, без каких-либо эксцессов, до самого момента единения. Дальше темнота. Что случилось, как чернь алефа вылилась в сие недоразумение мира, который не заказывали — пустота, никакой информации. Что случилось с теми, кого он вел, тоже неизвестно. Он попытался выудить эту информацию из алефа, и понял, что не может. То есть, просто вообще никак, как будто этой информации не существовало. Сей факт его насторожил. Пока что просто насторожил. Он настроился на переход, и вот тогда-то первый приступ паники накрыл его с головой. Выйти в алеф он не мог. Его Дар, выпестованный на протяжении нескольких вечностей столькими трудами и переходами, как отрезало. Как будто его никогда не было. Нет, даже хуже, если бы его никогда не было, он бы не знал, что это возможно. Но все его знания и воспоминания оставались при нем. Теоретически. Практически он их реализовать не мог. То есть он застрял здесь, неизвестно где, неизвестно как сюда попавший, сновидящие ведают на какой срок, с полным осознанием всего, чего он лишился. Худшей пытки он представить себе не мог.

Он честно старался держать себя в равновесии поначалу. Не бывает миров без дверей. Если был вход, значит должен быть и выход. После лишь сновидящие знают скольких безуспешных попыток попасть в алеф, он решил пойти другим путем: изучить место “заключения”. Здесь его поджидало приятное в некотором отношении открытие. Он мог чувствовать мир. То есть выход на информацию в алефе у него, несмотря ни на что, был. Он только сам не мог туда выбраться. Но надежда все же была.

Пришлось вспоминать азы столь давно забытых времен его ученичества, и бороться с паникой с помощью дыхания. Затем он приступил к изучению предоставленного ему полигона.

Мир был маленьким. Свернутое в трубку, открытое с двух концов, пространство. Никаких звездно-планетарных систем. Высокая концентрация психе. Последний факт настораживал, хотя Поводырь не мог пока четко сформулировать, что именно ему не нравилось. Но когда он принялся изучать местную сознательную живность, вновь захотелось ругаться, проклиная всех сновидящих богов. В особенности того больного на воображение демиурга, ответственного за сие недоразумение, в которое он попал. Обитатели мира, похоже, научились сознательно управлять связкой психе-материя. Мир подстроился. И жители его теперь канализировали все свои внутренние переживания во вне, обращая их в материю. Это означало отсутствие эмоций. Это означало отсутствие бессознательного. Это означало отсутствие снов. Это означало отсутствие Тени. Энергетически мир был закрыт, герметически закупорен. Полная упорядоченность, ни капли хаоса.

Каждое утро — условно так деноминированное, поскольку не было в этом дурацком мире ни дней, ни ночей, ни закатов, ни рассветов, но все равно какие-то неведомые силы управляли цикличностью жизни, и Поводырь очень быстро научился их ощущать и им следовать — так вот, каждый раз, когда он просыпался, прежде чем открыть глаза, он с отчаянным упорством вновь и вновь пытался вырваться из пут, раствориться в благословенном Ничто алефа, и каждый провал отдавался в нем все обостряющейся злостью, которая рвала грудь, кипела в животе и превращала тело в подобие атомного реактора в момент до взрыва. Поскольку бить и разрушать вокруг было мало чего, спасением стала бутылка. Он нашел ее в простом дорожном мешке, который валялся рядом с ним в момент его первого пробуждения в "месте заключения".

Содержимое мешка явно намекало: "Учись выживать." Он нашел там несколько предметов одежды, причем все из разных миров, как аляповатые ошметки прошлой жизни; длинный мот довольно толстой веревки; лезвие от топора, почему-то без топорщица; небольшой складной нож с несколькими лезвиями, о предназначении которых Поводырь имел представление весьма смутное. Нет, среди мириад прожитых им жизней ему приходилось быть и плотником, и охотником, и мастером, и инструментов в своих руках он держал не мало. Но тогда к ним еще прилагался и опыт жизни, крепко вплетенной в полотно очередного мира. Сейчас же ему оставалось полагаться лишь на себя, используя знания исключительно теоретические, да и тех, похоже, не хватало.

Еще в мешке он нашел весьма впечатляющих размеров талмуд на языке, которого он не помнил, но предчувствовал, что при определенных усилиях смог бы понять. Фолиант был отброшен с силой, которая спровоцировала небольшой фонтан зеленоватых брызг незнакомой рассыпчатой почвы. Ну хоть на чем-то злость сорвать. Конечно, возможно талмуд содержал ценные инструкции к выживанию в экстремальных условиях, но Поводырь почему-то в этом сомневался. Целая кипа чистых бумажных листов и букет из разнообразных пишущих предметов (опять же маленькие цветные капельки разных миров), по его мнению, только подтверждали его догадку. По всей видимости ему предлагалось задуматься о смысле жизни и своем месте в оной, и сей фолиант наверняка являлся кладезью каких-нибудь премудростей на сей счет. К демонам, чертям и прочей, должной олицетворять якобы всемирное зло, живности.

Последние предметы, обнаруженные в мешке, который сам, кстати говоря, оказался одеялом-трансформером — очень полезная может быть вещь, он с такими сталкивался — окончательно убедили Поводыря в том, что те, что сыграли с ним эту весьма не смешную шутку (а у него были некоторые догадки на счет того, кто это мог быть), явно над ним издевались, собирая для него сей набор для выживания. Итак, на дне он обнаружил маленький квадратный кусочек зеркальца без всякой оправы, огромный кусок грубого, резко пахнущего мыла, и небольшой пластиковый прибор, состоящий из продолговатой ручки с прилепленным к ней на конце тонким металлическим лезвием. В нескольких мирах он видел, как мужчины использовали такие для борьбы с волосистой порослью на лице. И если мыло еще было предметом ценным, то зеркало вместе с бритвой последовали вслед за фолиантом. Бриться, на зло всем, он не собирался. Какого черта?

Последней добычей была бутылка. Из белого прозрачного стекла, наполненная темной янтарной жидкостью. Этикетка была Поводырю смутно знакома. Он подобными жидкостями не баловался с той самой несколько вечностей тому назад забытой бурной юности, но память подсказывала, что "шутники" расщедрились для него на что-то изысканное и эксклюзивное. Что смысла имело мало, поскольку для притупления эмоциональных ощущений и бурных мыслительных процессов отчаявшегося — а было очевидно, что в этом и заключалось предназначение сего драгоценного подарка — подошла бы любая бурда. Но жест оценил.

Продлилось то, правда, недолго. Питье кончилось быстро. Нет, он старался пить умеренно — память, хоть весьма и весьма затертая, о той самой буйной юности, предусмотрительно нашептывала о возможных неприятных последствиях злоупотребления. Но первые

плотки привели его в столь блаженное состояние, что слушать дребезжащий, отвратительнейший голос какой-то там памяти представлялось занятием скучным и не нужным.

Он лежал, и, раскинувшись, на песке и чувствуя себя вполне счастливым, рассматривал мир, который теперь казался очень даже симпатичным. Справа и слева песок волнами взбился по дюнам. Звал, заигрывал, намекал на дали и таинства. Цвета он был буро-зеленоватого, а посему и песком-то не казался, так, холмы, покрытые робкой щетиной только-только начинающей всходить травы. Он рассыпался в руках. Так приятно было зачерпнуть горсть, и тихо-тихо пропустить сквозь пальцы, прислушиваясь, как убегающая струйка шершаво щекочет ладонь. Ощущая себя глупым мальчишкой, Поводырь поднес горсть песчинок поближе, чтобы рассмотреть. А ведь и правда, не песок. Живой. В каждом крошечном остроугольном кристаллике заключался росток, вернее росток и был сам этим кристалликом. Потому и теплом так отдавало, оттого что вместе они подпитывали друг друга, обмениваясь потоками жизненной силы. Мох. Мягкий, теплый, рассыпчатый мох.

Лежать на нем было тепло, да и в принципе температура была весьма приятной, комфортной. Воздух был плотным, сладким, его хотелось есть ложками. А еще в нем разносился тонкий, еле уловимый звон. Он ласкал, убаюкивал, обещал, что все будет хорошо, и ему хотелось верить. А вверху над всем этим блаженством раскинулся зеркальный небосвод. Себя, конечно, Поводырь увидеть не мог — слишком далеко, слишком он мал, ничтожен по сравнению с этим величием, — но он точно знал, что это зеркало. И цветные аляповатые пятна, покрывающие небосвод, рассказывали о том, что не только зелеными барханами заполнен этот мир. Хотя для этого вывода не обязателен был ему зеркальный купол.

Мир говорил с ним. Шептал ему о Столпах Творения, выдыхающих из своих горнил мириады никому не видимых частиц, представляющих собой строительный материал всего сущего. Об играющем цветами городе, для жителей которого не было ничего невозможного, кроме, разве что, как уже знал Поводырь, видеть сны и покинуть пределы их мира. О черной башне, верхушкой своей подпирающей зеркальный свод, обитатели которой были способны заглянуть в самые сокровенные тайны мироздания, и гораздо больше секретов навсегда оставалось погребено за стенами башни, чем выходило наружу. О диком лесе, отгораживающем город от остального мира, пугающего местных жителей, а потому в совершенстве ими игнорируемого, как будто и не существовало его вовсе, переплетенного дробью позабытых дорог. Лес был наполнен безумным творчеством самой природы, которое, в отличие от творчества сознательного, было неудержным, не подчиняющимся правилам совершенства, и вообще каким-либо правилам, во всяком случае правилам, поддающимся осознанию обычного сиуру, как называли себя жители этого мира. О бесконечном неподвижном океане, раскинувшем в полмира гладь обманчиво неживых вод. О ядовитом ветре, со свистящим шепотом сдувающим молчаливые пылинки давно умерших поющих кристаллов с развалин всеми позабытого города. О горбатых валунах древних гор, охраняющих в своих недрах силу, держащую мир воедино. О маленьких полукруглых горошинах каменных избушек, разбросанных по миру то здесь, то там, и о могущественных хозяйках этих избушек, о ведьмах, поддерживающих своей силой само мироздание, но не имеющих ни малейшего понятия о том, откуда же их сила происходит. Точно так же, как и большинство местных обитателей, одержимых своей властью над материей, не подозревали и о половине того, чем был напичкан их мир.

Мир нашептывал Поводырю о всех своих тайнах и загадках, пытаясь увлечь и соблазнить. Он бормотал «Пожелай. Только пожелай — и сбудется». Мир-обманщик. Все, чего Поводырю хотелось, это свалить из этого гребаного мира, но его единственное желание не сбывалось. А прямо перед ним вздымалась до самого небесного зеркала-океана, отливающего цветными пятнами, стена черной пустоты. Вот так вот, вправо и влево зеленые барханы, а впереди — пустота. Обрезанное ножом пространство, конец мира, за которым не было ничего. Ничто притягивало и завораживало, но в то же время парализовывало ужасом, как взгляд хищ-

ника, гипнотизирующего свою жертву. Во многих мирах Поводырь наблюдал за сим таинством: когда тот, кто смотрит в глаза своей смерти, замирает в благоговейном трансе, переставая отдавать себе отчет в чем-либо, кроме парализующей красоты силы, медленно и неудержимо подталкивающей его в пасть хищника. Только теперь сам Поводырь был жертвой, а хищником была невероятная пустота, распахивающая свое прожорливое горло всего в нескольких шагах от него. Где-то на краю сознания Поводырь понимал, что Ничто, Пустота, конец мира, означали выход в алеф, его спасение. Но несмотря на кажущуюся физическую доступность — казалось бы, всего пара шагов, — этот конец мира был абсолютно и непрекословно для него недостижим. Ужас, сковывающий все его существо от одной мысли сделать хоть один шаг навстречу зовущей пустоте, был непреодолим. И это было последним и самым ярким доказательством того, что оказался он здесь не случайно. Что мир этот — его тюрьма, и все, что с ним произошло, являлось насмешливой игрой чьего-то злобного замысла. Кого-то, кто был гораздо сильнее его. Ему даже не намекали, а говорили прямо и без обиняков: "Ты доигрался, и тебе отсюда не выбраться."

Именно в тот момент, когда данное понимание накрыло Поводыря, к нему также пришло осознание того, что он только что сделал последний глоток волшебной янтарной жидкости из прозрачной бутылки. При мысли об ожидающих его вскоре злости и безысходности яростная вспышка где-то внизу живота заставила его с силой бросить бутылку в черную пасть насмехающейся над ним пустоты. Наивная попытка мальчишеского бунта. Беззащитный сосуд послушно растворился в равнодушно зевающей черноте, чтобы буквально через несколько дыханий насмешливо шлепнуться в паре шагов, взвинчивая в воздух маленькую бурю зеленого мха. Раздался звон, и из ближайшего барханчика, куда зарылся блудный сосуд, высунул нос большой пузатый прибор, увитый какими-то трубками. Алеф тут же подкинул полную информацию о предназначении сего произведения. Осознав градус издевательства, Поводырь просто повалился на спину, содрогаясь в судорогах истеричного смеха. Лишь равнодушная Пустота, отрешенно наблюдавшая за ним всего в паре шагов, знает, сколько он смеялся. Да так и заснул. Что ж, в конце концов, неплохое завершение попытки забвения.

Пробуждение, как и ожидалось, принесло с собой боль тела и души. И если со страданиями физическими он управился довольно легко, — все же несколько вечностей тренировок не пропали зря, в отличие от Дара, — то злость и безысходность, те самые, которых он так боялся, принялись пожирать его изнутри с двойным усердием. Он выл. Он рыл рассыпчатую зеленоватого оттенка почву, отдающую теплом и сладковатым растительным запахом. Он бил себя кулаками, потому что больше ничего вокруг не находилось, чтобы бить. На фоне воспоминаний о блаженстве алкогольного угара это было еще более невыносимо. Он никогда не считал себя слабаком, и не уважал тех, кто убегал от проблем и прятал голову в песок, но теперь он мог думать только о сладостном забытье, даруемом огненным напитком. Ему нужен был алкоголь. И у него был алкоголь. В прошедшем времени. А еще у него был дурацкий пузато-трубчатый агрегат, торчащий из бархана, который всем своим видом заявлял: "Хочешь выпить? Придется потрудиться." Он оставил все это тонуть во мху. Шутка удалась на славу.

Помимо жажды забвения были все же и другие потребности, не менее насущные. Нужно было что-то есть. Нужно было что-то пить. Он попытался было воспользоваться странными свойствами мира и сматериализовать себе припасов, но это оказалось не так-то просто. После того, как из-под его рук воплотилось несколько несуразных комков непонятного вещества, злость его накалилась в прямом смысле этого слова и выстрелила наружу столпом яростного всепоглощающего пламени, оставив вокруг пятно черного пепла. Проводнику пришлось вновь вспоминать давно позабытые азы и успокаивать разбушевавшиеся страсти дыхательной гимнастикой. Вокруг, на сколько хватало взгляда, волнились зеленые барханы, если не считать зловещей стены черной пустоты за спиной, а перед внутренним его взором вздымались отчего-то древние серебряные стволы. Вздохнув, припоминая нашептанные миром секреты, Проводник

закинул за плечо теперь уже свой мешок, бросив в него веревку, нож и лезвие от топора, и отправился туда, куда его, похоже, звали.

Лес был... блистателен. Дик и древен. Проводник чувствовал силу, что протекала по его венам-стволам, вздымающимся, казалось, к самому зеркальному своду, и от этой силы захватывало дух. Она пьянила. Пьянила даже лучше, чем обжигающая горло янтарная жидкость. Ему подумалось, что он мог бы остаться здесь, в этом лесу, забыться в его звуках, запахах, пульсирующем ощущении жизни, что раскинула вокруг свои безудержные сети. Жизнь дышала, ползала, извивалась, шуршала, бегала, прыгала, голосила, шипела, рычала, впитывала соки, качалась на ветру. Создавала сама себя.

Он нашел еле заметные тропинки, дорожки, выложенные когда-то ярко-цветными камнями, теперь покрытыми паутиной извивающихся кристалльных побегов и легким налетом дымчато-голубоватой почвы — вены, расплзающиеся в глубину Леса. Он бродил по ним. Он пил сладковато-освежающий сок из продолговатых кубышек — то ли бутонов, то ли плодов, — что то тут, то там увенчивали длинные тугие стебли темно-малиновой травы. Время от времени под ноги ему падал разрывающийся мякотью плод, и он упивался пиршеством вкусов, что дарил ему лес.

Жизнь подчинялась неувлимым пульсирующим циклам бодрствования и сна — музыка, разбитая на такты. Здесь, как и во всем мире, никогда не наступала темнота, но, когда приходил момент, звуки потихоньку смолкали, движения замедлялись, запахи обострялись ненадолго, чтобы потом погаснуть. Жизнь сворачивалась клубком и засыпала. Поводырь провел так в лесу несколько "ночей". Деревья, казалось, его привечали, заботились о нем, оборачивали стволы и корни мягкими бархатными листьями, подсыпали под спину теплого рассыпчатого мха. Когда он просыпался, обнаруживал себя укрытым мягкими пушистыми лианами, которые были больше похожи на хвосты каких-то животных, нежели на растительность. А одной ночью ему составила компанию стая удивительно умильных существ.

Он только-только устроился поудобней в своей новой, сложенной из мха и пушистых лиан постели, как тут заметил над своей головой огромные, круглые, внимательно изучающие его глаза. Размером они были, наверное, в половину маленькой сморщенной мордочки, напоминающей ироничную смесь между лицами новорожденного младенца и изборожденного морщинами старика. Помимо удивленно смотрящих глаз-плошек, двух дырочек-ноздрей и вытянутого в трубочку рта, у головы еще наблюдались уши. Выдающиеся уши. Перепончатые, полукруглой формы, диаметра, пожалуй, раза в три-четыре превосходящего размеры самой головы, они веерами раскинулись вокруг оной, трепеща при этом всей своей поверхностью мелкой дрожью.

Поводырь и хозяин глаз и ушей какое-то время изучающе и неподвижно наблюдали друг за другом, пока первый не заметил, что на самом деле за ушами-веерами скрывалась еще пара рядов таких же глаз-плошек. Их была целая стая, круглые наивные младенческие глаза — на него. В какой-то момент первый скаут с детской осторожностью протянул к Поводырю свою лапу, неуверенно дотронулся пальцем до плеча и тут же испуганно отдернул свою смешную ладошку, не отводя тем не менее взгляда. Поводырь приложил все усилия, чтобы не пошевелить ни одним мускулом, не отвести взгляда и не спугнуть этих бесхитростных малышей. Первопроходец повторил жест, уже более смело положив сморщенную трехпалую ладошку Поводырю на грудь, вибрируя всем своим тщедушным тельцем, а самое главное — ушами. Вскоре Поводырь был полностью укрыт куполом-одеялом из ушей-вертолетов и бархатистых сморщенных телец. То, что исходило от этих удивительных существ, разливалось в нем таким упоительным спокойствием, что он решил отдать развитие их знакомства в руки своих гостей. Сладкое размеренное урчание уносило его в темный туман сонного забытья. Он провалился в лабиринт сновидений, что не случалось с ним уже очень и очень давно, и блуждал по коридорам, сплетенным из воспоминаний о тысячах жизней и фантазий о том, чего никогда не было.

А может быть и было, потому что в алефе возможно все. И черная пустота всепоглощающего ничто рассекалась вдруг венами бесчисленных галактик, что растворялись в этой темноте знакомой паутиной рыжих волос.

Когда он проснулся, тело его дышало легкостью, каковой он не ощущал в этом мире, если только не считать навеянной янтарной жидкостью алкогольной эйфории, когда он общался с миром о его загадках. Что ему снилось (снилось ли ему вообще что-нибудь?), он не помнил, что опять же было необъяснимо при его-то опыте и способностях. То ли это было связано с потерей Дара, то ли мир был виноват, то ли такова была природа сна, навеянного его странными гостями. О которых он, кстати, не сразу и вспомнил, проснувшись в темноте обволакивающего его кокона и не вполне понимая, где находится. Но вот только стоило ему пошевелиться, как стайка его гостей в миг поднялась в воздух и кинулась врассыпную. Их уши сворачивались над их головами как пропеллеры, и обернув длинные руки-лапы вокруг тщедушных теляц и размахивая хвостами, они моментально исчезли в воздухе из вида. Малыш-скаут, что инициировал их необычное знакомство, на пару мгновений отстал от сородичей, не спеша покинуть приютившую его грудь. Приподнявшись на худеньких лапках-ручках, он какое-то время еще поизучал ошарашенного спросонья Поводыря, затем свернутое все это время в трубку отверстие рта вдруг распахнулось одним хлопком, обнажив весьма впечатляющих размеров пасть, заполненную несколькими рядами многочисленных острых, как иглы, зубов. Сверкнув сей улыбкой, малыш также завертел-закрутил ушами-пропеллерами и скрылся среди деревьев.

Поводырь решил не задумываться над значением сего знакомства. Ему вообще не хотелось ни о чем задумываться. Лес пьянил и успокаивал, и периодически в голову залетала шальная мысль, что он мог бы просто остаться здесь навсегда. Но тогда, вслед за этой шальной, всегда возникала еще и другая мысль, что с настойчивостью садиста каждый раз вновь и вновь пробуждала горечь воспоминаний о потерянном Даре. И тогда он понимал, что рано или поздно ему все же нужно будет вернуться на границу мира, к черной стене пустоты у зеленых барханов. Если то место оказалось дверью, пропустившим его во внутрь, велика вероятность, что оно же может оказаться и выходом. А значит он должен быть там, если он хочет обрести хоть какой-то шанс вернуться к своей прежней жизни. К своей единственной жизни.

На своей стоянке он, к своему удивлению и досаде, обнаружил, что совсем неподалеку от его места кто-то разбил совершенно нелепой расцветки шатер. Он аж сплюнул от досады. Он не хотел никакого соседства, не желал никого видеть и ни с кем общаться. И это было только его место, он должен был оставаться здесь, это было ключом к его освобождению, сколько бы времени у него ни занял поиск способа вырваться отсюда, вернуться к своей настоящей жизни. Он периодически имел честь издали наблюдать обитательницу соседского “вигвама”. Совсем молоденькая девчонка, она бродила туда-сюда по зеленым дюнам, не занимаясь ничем таким конкретным, и очень любила спать, раскинувшись на теплом сухом мху, прямо у самой кромки недвижимой черной пустоты. Вначале у него возникло сильное желание подойти к ней и убедительно предложить ей убраться куда подальше. Но нежелание общаться пересилило. Он плюнул, потому что у него родилась Идея.

Он решил построить себе дом. Ну, не дом... Возможно, это было слишком громко сказано. Избушку, шалаш, хижину, уж что получится. В конце концов, ему не были важны ни качество, ни долговечность, ни прочность, ни красота. Лишь бы стояло. Здесь в принципе не нужна была крыша над головой для защиты от ветра и непогоды. Здесь не шли дожди. Воздух всегда был приятен и тепл. Ему просто хотелось отгородиться от мира, от возможного шального постороннего взгляда, установить границы его, и только его территории, которая находилась бы в его, и только его распоряжении. А еще ему необходимо было чем-то себя занять.

Вот и таскал он бревна из леса. Рубил, строгал, обтесывал, складывал. Строил. С головой уходил в самую же собой созданную рутину в надежде забыться. В какой-то степени это работало. Налаженный порядок действий, размеренный ритм повторяющихся движений, боль

разрывающихся мышц, усталость тела. В конце, как награда, наконец-то обжигающее горло успокоение таких долгожданных огненных капель — он последовал-таки инструкциям мира-обманщика и пристроил к делу пузатый агрегат, выуженный из зеленого бархана. В череде повторяющихся тактов он вошел в некое подобие транса, что позволял ему отгородиться даже от намека на мысли и вопросы о том, что происходит, в какую яму скатилась вдруг его жизнь, что он будет с ней делать, где и как искать выход, и есть ли этот выход вообще. Вопросам о смысле он даже не позволял выплыть на поверхность сознания, все же остальные мысли и сомнения успешно задвигались в дальний ящик, как только на мгновение пробивались сквозь защиту спасительного транса.

Он пристрастился к колке дров. Он научился-таки у мира разжигать огонь. Не потому, что огонь был ему нужен, но ему нравилось на него смотреть. Пламя как будто открывало окно в некое другое пространство. Это тоже успокаивало и помогало забыться.

Две маленькие фигуры, что мелькали за ближайшим барханом и, казалось, за ним наблюдали, он отметил краем глаза. Затем, к его раздражению, одна из фигурок начала медленно спускаться с мшистого холма, приближаясь к его убежищу. И чем ближе она подходила, тем сильнее в нем било в набат предчувствие чего-то важного. Он не понимал, что происходит, пока вдруг, в момент, когда юная соседка была уже в нескольких шагах от места его разрушительной деятельности, он не осознал, что это было за ощущение. Ощущение силы. Непрошенная гостья в смущении стояла, разглядывая его, раздираемая сомнениями — заговорить или убежать без оглядки, как испуганный зверек, — а ему пришлось вновь вспомнить дыхательную гимнастику, для того чтобы не поддаться проснувшемуся неумолимому желанию схватить ее, растряссти, рассмотреть со всех сторон. Девчонка до краев была наполнена силой. Внутри нее бурлил водоворот нерастроченных эмоций и неконтролируемых внутренних переживаний, запертых в тесный сосуд ее души и не находящих выхода наружу по какому-то невероятному капризу местных богов. Готовая вот-вот взорваться энергетическая бомба. Откуда в этом стерильном мире взялось это чудо?!

Фраза “Отойди, заденет” далась ему с большим трудом. Стоило невероятных усилий, сохраняя спокойствие и хладнокровность и не обращая излишнего внимания на стоящую поодаль гостью, довести до конца свой моцион. Он чувствовал ее смятение, ее желание убежать стремя голову, и в то же время раздражающее ее любопытство, и в чем-то даже отчаяние. Поддерживая внешне все тот же размеренный ритм своих движений — вниз-вверх, вниз-вверх топором — он напряженно пытался сосредоточиться на ее информационном потоке. Получалось плохо, он с трудом контролировал дрожь в руках. Очень хотелось выпить. Что в данной ситуации для него было не лучшей стратегией поведения: ему нужны были концентрация и ясность сознания. Но чем больше он себе об этом говорил, тем настойчивее перед глазами маячил образ драгоценной бутылки. Занося дрова в дом, он пытался сосредоточиться на решении вопроса, какую линию поведения ему сейчас лучше с ней выбрать, и вообще каков наилучший план действий, но в результате, когда оба уже были внутри, не выдержал и кинулся с своему драгоценному аппарату. После первого глотка стало значительно легче, и он смог наконец-то сосредоточиться на считывании.

Она оказалась ведьмой. Это осознание заставило сделать еще один, очень затяжной глоток. Был ли сей факт ему на руку или же наоборот? Из его общений с миром он знал, что местные ведьмы были видом весьма неординарным, и что, похоже, они сами до конца не осознавали своего могущества. Все ли они были этими ходячими энергетическими коктейлями, или та, что стояла сейчас на пороге его хижины, отважно стараясь скрыть собственное смущение, была случайным результатом какого-нибудь эксперимента божественного провидения? Как просто будет ими управлять? Или хотя бы только вот этой?

Девчонка была совсем юна и похожа на нахохлившегося птенца, недоверчиво разглядывавшего незнакомый ему мир. Самое смешное, что на плече у птенца сидела самая настоящая

птица. Поводырь усмехнулся. Ворон и ведьма. Забавно, как при всем разнообразии миров и бесконечных вариаций сложности жизни в каждом из них, из одного в другой кочевали совершенно идентичные прообразы, проявлявшиеся причем весьма часто в, казалось бы, мелочах. Все мы из алефа, оттуда вышли, туда и вернемся.

Она была прелестна. Маленькая хрупкая фигурка угадывалась под свободными рубахой и штанами. Действительно птенец. Неуклюжий еще, но набирающий силу, и в неокрепших еще крыльях уже угадывалась просыпающаяся мощь полета. Свет, пробивающийся из дверного проема, рассыпался искрами по волнам выбившихся из косы волос цвета темной древесной коры. Круглое личико, изящно подчеркнутое уютно загнутыми с двух сторон, плотно прилегающими к голове рогами, у которых лишь только кончики кокетливо отворачивались в стороны. Тонкая линия губ, высокие, точеные скулы, которые как бы прятали за собой глаза-прищур. А в глазах смесью страха и любопытства плескалась та самая волшебная янтарная жидкость, что Поводырь выпил после осознания всей глубины своих неприятностей.

Прелестна. Теперь, когда он был уже способен спокойно размышлять о том, как воспользоваться этим подарком судьбы, внешность его гостя, казалось, была еще одним аргументом в пользу наиболее очевидного варианта. Стандартный ритуал передачи силы. Рассматривая ее, он пытался оценить, хватит ли его мастерства в этих обстоятельствах, чтобы убедить ее. Она, конечно, юна, но это не значит, что неопытна. Мысль о соблазнении почему-то показалась неприятной. Пришлось напомнить себе, что выбор у него в общем-то невелик, и здесь не до благородных убеждений.

Она обвинила его в том, что он, согласно слухам, ходящим в Городе, является ловцом снов. И его разобрала истерика. Как, о сновидящие боги, идея о каком-то ловце снов могла придти в голову жителям мира, не ведающего, что такое сны? Внутри что-то царапнуло при этой мысли, но перед ним в данный момент наблюдалась гораздо более интересная проблема.

Осознаёт ли этот только вылезший из родного гнезда птенец свою силу? В ее цвета густой смолы глазах плескалась пьянящая смесь страха и бесстрашия, хотя она очень усиленно старалась скрыть и то, и другое, отчаянно пытаясь придать себе вид холодный и невозмутимый. Получалось смешно. Почти кукольные черты ее лица сочетали в себе трогательную миловидность с чем-то неправильным, и неправильность эта привлекла внимание гораздо больше, чем миловидность. Маленькое голубое пятнышко разрывало смоляную поверхность одного из глаз, как будто ледяной остров, затерянный среди океана янтарных вод. А с другой стороны, над верхней губой подергивалось мелкой дрожью круглое, почти идеальной формы, темно-бурое пятнышко, выделяющееся столь явно, что оно казалось чем-то чужеродным, не принадлежащим этому лицу, даже вызывающим. Он заметил, что его взгляд неосознанно затерялся в танце между одним пятном возле ее зрачка, и другим над губой, как будто он был не в силах оторваться ни от одного, ни от другого. Оба одинаково раздражали, и в то же время очаровывали. Усилием воли он заставил себя сосредоточиться на главном.

А главное жило гораздо глубже, скрытое и за этой завесой напущенного хладнокровия, и за неуверенной взвесью эмоций, плескающихся в ее глазах. Он слышал одиночество, тоску, тревогу, безысходность. Он чувствовал злость и обиду, сродни тем, что пожирали его самого — обиду на мир и на несправедливость богов. Он буквально осязал целую гамму страхов: страх отказа, страх быть отвергнутой, страх допустить ошибку, оказаться не на высоте, не соответствовать чьим-то высоким ожиданиям, оказаться подделкой, обманом. Оказаться недостойной.

Чем глубже он проникал в эту дремучую непроходимую смесь, запертую за дверями контроля из-за боязни быть опознанной, тем четче он понимал, что она не только не осознавала своей силы, но и понятия не имела как управлять этой мешаниной эмоций и переживаний. То, что происходило с ней и было для нее причиной отчаяния. Она совершенно определенно была отклонением от нормы, и усиленно прятала свой мир внутренний от мира внешнего. Боясь стать изгоем, она себя превратила в изгоя добровольно.

Да, использовать ее будет легко. При этой мысли опять что-то кольнуло внутри, и вновь, внутренне скрипя зубами, ему пришлось напоминать себе, что в его положении не до моральных установок. Да и, кроме того, ему ли не знать, что любая мораль основана на критериях якобы добра и зла, хорошего и плохого, правильного и неправильного, критериев, рожденных культурой, историей и памятью каждого конкретного мира. И в данный момент он не принадлежал ни одной частью своего существа ни одному из миров. Кто он такой, чтобы беспокоиться о чужой морали? Просто вечно находящийся в дороге путник, который неожиданно сбился с пути. Только его путь, быть способным вернуться на него — вот то единственное, что должно было его беспокоить.

— Ты ведь не сиуру?

Очевидный вопрос отдался внутри болью потери. Он отвернулся. Первый раз на его памяти о бесконечной череде прожитых им жизней, находясь в новом для него мире, он не ощущал себя его частью. Он мог бы быть тем же Придающим Структуру, или Укротителем, или Смотрящим во Тьму, даже скорей всего, эта роль ему бы подошла больше. Он даже мог бы быть, и эта мысль показалась ему весьма забавной, калухой. А почему нет? Не то, чтобы его угнетала отчужденность от мира. В конце концов, любая из жизней, которую он проживал в любом из миров, была всего лишь маской. Он никогда не принимал их особо всерьез, и ему было все равно, принадлежит он или нет, он прекрасно знал, что не принадлежал ничему и никому. Но вот этот указывающий на очевидное вопрос задевал за живое: не потому, что ему очень хотелось почувствовать себя здесь своим, но он был ярким напоминанием о потерянном даре. Если бы не произошло с ним то, что произошло, никто бы никогда в этом забытом всеми сновидящими богами мире не почувствовал в нем чужака. Хотя, о чем он, он бы просто никогда бы не оказался в этой стерильной дыре.

Как теперь объяснить этому птенцу, этому неведомо откуда свалившемуся на него подарку судьбы, кто он? Нет, еще не время. Да он и сам теперь не знал кто он, без Дара? Так что он решил остановиться на версии с ловцом снов. Он еще раз усмехнулся. Вот ведь совершенные заразы, как им только в голову пришло?

— Но ведь здесь нет снов.

Нет. Нет снов. Нет дверей. Нет выхода. Нет Дара. Ничего нет. Дыра. Пустыня. Ловушка. Наказание. Перед его мысленным взором предстала черная стена небытия, разверзающаяся перед ним миллиардами дорог: переплетающимися, ветвящимися мерцающими змейками, уползающими в бесконечность. Неисчислимы жизни буквально на его ладони, только руку протяни, а он, скованный ужасом не в силах сделать ни шага, — безвольная кукла сновидящих богов. Богов! Жалкие злые создания, вообразившие себя вправе вершить судьбы миров и пределы их свободы. Он сумел выбраться из их оков, он выпестовал свой Дар, он стал воистину всесильным и по настоящему свободным! Лишь для того, чтобы убедиться, что вся его сила и свобода были по-прежнему иллюзией. Они дали ему это понять весьма наглядным образом. Он еще помнил чувство эйфории от слияния с алефом, это ощущение могущества, что давало единение со всеми мириадами путей, как будто они были частью его, продолжением его собственных нервных нитей. Это был очень тонкий момент, требующий полной отдачи себя и, в то же время, полного присутствия. Именно в этом и заключался его дар: в том, чтобы стать одним с алефом, чтобы стать всем, и в то же время быть способным отличать его части. Отличать, ощущать, управлять. Быть способным выбирать пути. В этот момент самым главным было тонко балансировать на грани этой двойственности между “я” и “все”, уметь отдаться бесконечности, не потеряв границы себя. И выбор пути должен был быть органичным, текущим в потоке, но быстрым и точным. Чуть замешкаешься — и черная пустота бесконечности тебя поглотит, окончательно втянет в себя. Свобода выбора, свобода воли, дар, требующий отточенного мастерства. И мастерство это он стремительно терял. Бесконечная сеть миллиардов

путей раскинулась на его ладони, но он бессилён был сделать какой-либо выбор. И пустота черным водоворотом злости и бессилия засасывала его где-то в нижней части живота.

Он был всем, и стал никем. От этого хотелось крушить, либо заглушать свое бессилие алкоголем. А еще очень хотелось, чтобы наивная гостья перестала задавать свои дурацкие, мучавшие его безысходностью вопросы. А еще лучше, чтобы ее вообще сейчас не было на его столе. Но нельзя. Нужна. И он прикладывался к спасительной бутылке, скручивая в узел всю свою волю, пока не услышал:

— А ты можешь рассказать мне про сны?

Что это, праздный интерес ребенка к загадочной легенде? Он дышал, а надежда разгоралась все с новой силой. Он вперился в нее взглядом, якобы изучающе, а на самом деле вновь прислушался, читая ее. Опыт, воспоминания, ощущения. Пробиваясь сквозь шквал поверхностных эмоций на более глубинные уровни. Она видела сны! Невероятно, он не мог понять, как это было возможно, но тем не менее это было так. Множественные картинки ее сновидений пронеслись перед его взором: одни — яркие, другие более размытые. Он видел пейзажи из разных знакомых ему миров, невинные сценки сюрреалистичной жизни, сплетенной из ассорти нитей, вытянутых из разных мирозданий. Он видел дорогу, пробивающуюся среди валунов, и слышал зов тоски, переливы натянутой до предела струны.

Моральные сомнения пылью рассыпались на задворках его сознания. Она станет его дверью. Он продолжал внимательно ее рассматривать, выстраивая план действий. Отчаяние сочилось из нее, как бы она ни старалась играть в уверенность и равнодушие. Ее интерес к природе снов не был праздным любопытством. Внутренний вулкан, кипящий у нее в груди, ее угнетал. То, что происходило с ней, ее пугало. Она была готова почти на все, лишь бы найти ответы на свои вопросы, лишь бы хоть приоткрыть калитку понимания. А потому соблазнение даже не было необходимостью. Обычное соглашение между двумя заинтересованными сторонами. Его знания в обмен на ее силу.

Когда, более не в силах бороться со своим смятением, птенец выпорхнула из его избушки, даже не вспомнив о своем вороне, что продолжал нагло прохаживаться по столу, Поводырь был очень, очень доволен. Впервые с момента его попадания сюда, мир вокруг не казался таким уж безнадежным. Конечно, нужно было обдумать все детали открытия двери. Вполне возможно, шанс был только один, а посему он должен был использовать его очень аккуратно. Но он все-таки был.

Осторожно, чтобы не спугнуть удачу, Поводырь сделал обжигающий глоток, и, прислушиваясь к тому, как тепло растекалось по телу, посмотрел в глаза ворону, что, скосив голову немного набок, тоже внимательно и подозрительно изучал его с края стола.

— Ну что, птица, будем дружить?

Черные глаза-бусинки несколько дыханий неподвижно смотрели на него, лишь затем, чтобы их хозяин, резко сорвавшись вверх и поднимая со стола водоворот плохо лежавших на нем бумаг, с пронзительным “Кррррр!” вылетел в открытую дверь.

— Ну что? — Кизру, подпрыгивая в нетерпении, бросился навстречу подруге. Щеки ее горели румянцем, а глаза напоминали мертвые кристаллы. Они смотрели сквозь него, и Кизру вновь подумал, что очень даже зря подруга сомневается в том, что она калуха. А нерождающаяся жизнь... ну, они же только что пришли к определенному выводу, что они не все знают о мире. Может быть и в этом вопросе тоже...

— А? Что?

— Ну, что он тебе сказал?

— Кто? — Зуна смотрела на приятеля, как будто в первый раз его видела.

— Ловец Снов!

Зуна покачала головой.

— Это не он.

— А кто же он тогда?

Зуна вновь неуспешно попыталась сфокусировать взгляд на приятеле и небрежно пожала плечами.

— Я не знаю. Извини, я пойду. — И боле не обращая внимания на ничего не понимающего товарища, она начала спускаться с бархана в направлении цветного треугольника шатра.

— Зуунааа! Подожди!

Она остановилась. Обернулась. Она смотрела на него так, как будто ее выдернули из какой-то другой реальности. Кизру схватил мешок, что принес с собой, и, невероятными усилиями преодолевая собственный ужас, сделал несколько шагов навстречу Великой Пустыне.

— Вот, я же тебе еды принес.

Несколько дыханий она смотрела на протянутый ей мешок, она даже взяла его из рук Кизру. И вот взгляд ее вновь поменялся, и Кизру показалось, что сейчас у него остановится сердце. Она его обняла. Чмокнула его в щеку, от чего ему показалось что, что кожа его на том месте расплавилась.

— Ты меня извини, ладно. Давай все обсудим в другой раз? Мне нужно побыть одной.

И более не останавливаясь и не оборачиваясь, она чуть ли не побежала, насколько это было возможно, увязая в бархане, к своему “неправильному” пао. А Кизру, поглаживая ладонью щеку, в которую она его поцеловала, смотрел как ее фигурка исчезает внутри аляповатого треугольника на фоне ужасающей черноты, и ему казалось, что внутри него вновь умирают Столпы Творения.

Зуна заползла в шатер и распласталась на земле. Она рассматривала цветастые узоры над головой и прислушивалась, как постепенно к ней возвращалось ощущение тела, и распулся, рассасывался, наконец, проклятый узел в спине. И эйфория шариком раздувалась где-то в груди. Она старалась не слишком-то поддаваться этому чувству, потому что ей казалось, что иначе этот шарик раздуется до неизмеримых размеров и просто лопнет. Надежда — штука хрупкая и ненадежная, и лучший способ её лелеять это не особо обращать на нее внимание. Но у нее была надежда! Предвкушение медом растекалось по венам. О предложении незнакомца думать было страшно и в то же время волнительно. Это было бы нарушением всех традиций ее клана, но разве она принадлежала клану? Она и так уже была другой, отличной от всех, не вписывалась в свой собственный мир, так разве важно было для нее беспокоиться о его традициях?

Знакомое “Кррр” у полога шатра вывело её из транса. Наблюдая, как подарок Кизру недовольно пробирался через живые складки внутрь шатра, она вдруг отдала себе отчет в том, что все еще крепко, до рези, сжимала кулаки. Пальцы расслаблялись с трудом. Морщась от застывшей боли, она с удивлением обнаружила в одной из ладоней впивающийся в кожу небольшой, неправильной треугольной формы осколок. С того чудесного стола, заполненного загадочными вещами. Зеркальный осколок. Как будто кусочек неба.

Кусочек неба, играющий в мозаику отражений: складки рукава рубашки; граница ворота, облегающего шею; завитушка локона за ушной мочкой; родинка, еле заметно подрагивающая над губой; маленькая холодная льдинка, полыхающая среди смоляного моря радужной оболочки глаза. Она засмотрелась на этот маленький голубой островок, который совершенно не вписывался в сочный теплый цвет, что его окружал. Она наклонила осколок, так, чтобы видеть в отражении оба глаза. Взгляд, смотревший на нее из зеркала, парализовывал своей чуждостью. Нет, в принципе, в чертах из отражения не было ничего незнакомого: это были ее глаза, ее переносица, ее голубая льдинка у зрачка. Но если всматриваться в глубину глаз, оттуда,

из недр черноты зрачка и переплетений радужки, проступало останавливающее кровь нечто, завораживающее ощущение чужеродности. Она не могла отвести глаз от своего же собственного взгляда. И чем дольше она всматривалась в эту глубину, тем больше ей казалась, что ее засасывала неумолимая воронка пустоты. Чернота. Зрачок. Чужеродная сила с той стороны. И тело ее перестает быть телом, превращается в плоскость, и растворяется в обволакивающем ничто, рассыпаясь по миру мириадами частиц. Она перестала быть. Она стала всем.

Глава 5.1

Сны Уо...

Человек на Луне

Часть 1

— Ты можешь услышать шепот звезд, ты же знаешь. — Голос и сам шептал, убедительно, как будто уговаривая. Как будто ему было очень важно, чтобы Дитер подтвердил, что действительно, да, слышать шепот звезд для него — дело обычное. Пока Голос мурлыкал ему об этом, Дитеру казалось все очевидным. Естественно, он знает. Но самым очевидным во всем этом был сам Голос. Дитер знал его много-много времени, казалось бы, гораздо дольше, чем он знал самого себя. Голос был как бы постоянной неотвержимой частью его самого, хотя для Дитера тоже было очевидно, что Голос этот все же существовал во вне.

Раньше голос имел еще к тому же и форму, образ, но тот постепенно стирался, и теперь от четких границ остались только отсветы радужных пятен, которые ассоциировались с Голосом. Но все равно, Дитер знал, что Голос — друг, и что он такой же как Дитер, хотя и в чем-то другой.

— А о чем они шепчут, звезды? — вопрос родился сам собой, и Дитер задал его не раздумывая, хотя, казалось бы, самим фактом задавания этого вопроса он делал очевидным противоречие между внутренним знанием, которое он не оспаривал, и искренним любопытством того, кто не ведает.

— Ты же сам в курсе, — в шепоте Голоса послышались нотки обиды, и даже раздражения. Нетерпения, скорее. — О чем могут шептать звезды? Сплетничают.

Дитер прислушался к внутренним ощущениям. Да, верно, сплетничают. И он действительно это знал. Но тут же вновь, из недр того самого наивного любопытства, сам по себе родился новый вопрос:

—А о чем они сплетничают?

Голос, казалось, стал даже плотнее от раздражения. Или от разочарования. Оно сгустилось, сжалось вокруг него, особенно в районе плеч, вцепилось в него, и Голос разразился маленькими камешками упрёка: — Эх, Дитер, Дитер...

Дитеру не понравилось раздражение Голоса. Друзья друзьями, но имеет человек право знать? И пока его мозг напряженно пытался найти ответ на вопрос, о чем же могут сплетничать звезды (должен же он был где-то завалиться, этот ответ), Дитер пытался скинуть со своих плеч зацепившуюся за них тяжесть. Но Голос, видимо, очень сильно обиделся на Дитера за незнание очевидных вещей, и ощущение плотности не хотело его отпускать, наоборот, даже начало вибрировать. Дитер в возмущении хотел было бороться, и даже замахнулся руками, но те как будто сначала провалились в пустоту, что вывело его из равновесия, а затем уперлись во что-то твердое и весомое, которое явно уже не было Голосом.

Несколько мгновений Дитер был в тумане, подвисявший между двумя реальностями, одной — еще не ясной, а другой — уже медленно, но верно расплывающейся поземкой. Постепенно присутствие Голоса перестало быть очевидностью, а сквозь плотную воду все еще одолевающего его сна Дитер все отчетливее чувствовал, что кто-то трясет его за плечо. И сквозь полу-

открытые глаза (открыть их полностью пока не представлялось ну никак возможным) он мог различить длинную худощавую фигуру, от которой пахло деревом и лесом. Отец.

— Дитер, Дитер, просыпайся, вставай, это очень важно. — Вокруг них сжимала свои объятия темнота, что свидетельствовало о том, что время для вставания и просыпания было совершенно не подходящим. Его собственный организм говорил Дитеру о том же. Но отцовская рука была настойчива, и голос тоже (не Голос, а отцовский голос): — Просыпайся, ты должен увидеть что-то очень важное.

Но Дитера пока что все же волновало, о чем же сплетничают звезды, и возможность нахождения ответа на этот вопрос. Это единственное, что в данный момент могло бы примирить его с подобным насилием над его организмом. Об этом он и спросил отца, потирая глаза руками: — А мы услышим шепот звезд?

Отец рассмеялся раскатистым, довольным смехом, таким, каким он смеялся, когда происходило что-то очень-очень хорошее.

— Что-то вроде этого.

И видимо устав его тормошить, он просто взял и подхватил Дитера, и посадил его к себе на плечи. В полете Дитер отметил, что на соседней кровати, тоже явно с трудом проснувшийся брат Киис с очень серьезным и важным видом натягивал штаны. Когда, с Дитером на плечах, отец попытался было взять Кииса за руку, тот только отмахнулся и вдруг бодро выбежал из комнаты впереди них. Только эхо от его шагов по лестнице гулко доносилось из коридора, как будто не было ничего необычного в столь странном для подъема времени, и, вообще, его постоянно будили среди ночи ради загадочных важных дел.

Дитера меж тем неумолимо обволакивало предвкушение тайны. Спустившись, они оказались в зале, где также происходили совершенно немислимые вещи. Киис сидел на стуле перед работающим телевизором, аппаратом, который включался в их доме исключительно дозировано, по расписанию, и никак не в странные ночные часы, предназначенные, как утверждала мама, для отдыха. Мама суежилась между залом и кухней, а на столе была куча тарелочек с маленькими бутербродиками со всякой всячиной, какие, как правило, мама делала, когда к ним приходили гости. Киис уже жевал один бутерброд, а другой держал в руке, жадно вперясь в экран.

А на экране тоже происходило что-то непонятное, но — Дитер кожей чувствовал — очень важное. Ракета, там на экране, вперившись верхушкой в небо, зажата стальными клещами какой-то непонятной конструкции, стояла ракета. Дитер знал, что это была ракета, потому что он видел однажды ее на картинке в журнале у отца, и Киис громко требовал, что он хочет такую же, и отец смастерил ему маленькую изящную модельку с кучей деталей, но Киис сказал, что это не настоящая ракета, потому что она деревянная, а деревянные ракеты не летают. И обменял ее кому-то на улице на не работающие ручные часы. Часы, не смотря на то, что они не работали и, видимо, не подлежали починке, все же были настоящими, — так сказал Киис — потому что они были железными. С друзьями на улице они долго ковырялись во внутренностях часов, разбирая винтики, шпунтики и колесики, которые все потом с таким же громким успехом были обменяны на другие не менее ценные вещи. Дитер, конечно же, ко всей этой торговой деятельности не допускался, что, впрочем, его и не огорчало. Чего он не мог сказать о потере отцовской ракеты. Он бы вполне не отказался даже от деревянной. Картинка из журнала долго будоражила его воображение. Ракета, вырывающаяся из клуба ревущего огня, представлялась ему неким сказочным драконом, дышащим мощью и магией и способным долететь до любых загадочных просторов. И сейчас он не мог оторвать глаз от экрана, смотря во все глаза, как оживала так долго будоражившая его сказка. Он видел, как взрывалось под ракетой море огня, точно такое же, как на картинке в журнале, хоть изображение на экране и было черно-

белым. Он буквально чувствовал вибрацию ракеты, пока она наполнялась силой, отрывавшей ее от земли, и Дитеру казалось, что сила эта проходила и через него тоже. Затаив дыхание, он наблюдал, как, вырвавшись из цепких железных лап, отталкиваясь от столпа всепожирающего огня, ракета исчезала в небе.

— Они улетели на встречу к звездам, видишь? — прошептал отец ему на ухо, пока, уже сняв его с плечей, чего Дитер даже и не заметил, поглощенный действием на экране, усаживал его на стул рядом с Киисом. Брат жевал очередной бутерброд, но Дитеру было не до еды, хотя обычно он очень любил эти бутерброды, и отпускались они ему в строго определенных количествах, а тут вот, пожалуйста, лежат в свободном доступе. Но какие уж тут бутерброды, когда ракеты улетают навстречу шепоту звезд. Правда, на экране картинка уже сменилась, и теперь он наблюдал, как какие-то серьезные наряженные дяди и тети смотрели, как два других дяди тоже играли в ракеты. Ракета, что у них в руках, была уже поменьше той, что улетела, больше похожая на машинку из комиксов, которые Дитер очень любил. Луноход, вспомнил он, называлась эта машинка. — Видишь, они улетели четыре дня назад, и сейчас они подлетают к Луне.

Дитер не мог не повернуть голову к окну, чтобы посмотреть, не там ли была эта самая луна, но в окне ее в тот момент видно не было: наверное, луна была занята более важными делами, встречая гостей. Все же Дитеру очень хотелось выбежать на улицу и проследить, как ракета будет подлетать к луне.

Видимо, происходящее на экране было гораздо важнее подлетающей к Луне ракеты, так как взрослые замерли, затаив дыхание и глядя на экран. Даже мама отложила все свои важные дела между столом и кухней, и присела на краешек стула, напряженно вперившись в телевизор. Изображение на экране разобрать было достаточно сложно. Дитер видел только какие-то движущиеся белые пятна, окруженные ну очень черной чернотой. Когда одно размытое белое пятно приблизилось к другому и замерло, напряжение, от которого, Дитеру казалось, звенел воздух в комнате, расслабилось было на мгновение, но тут же вновь натянулось струной.

— Видишь, они приземлились на Луну, — продолжал шептать ему на ухо отец, притулившись на корточках возле стула, на котором сидел Дитер. Дитер не видел, но сама идея того, что то, что ему показывают — на самом деле луна, показалась захватывающей. Ему хотелось разглядеть поподробней, и он, следуя примеру взрослых, тоже затаил дыхание.

На экране белые пятна почковались и начали шевелиться, и в какой-то момент родители разом одновременно облегченно вздохнули, кто-то на экране очень гнусавым голосом что-то сказал, и сразу другие голоса вступили в дебаты, суть которых Дитер не понимал. Но чувствовал себя разочарованным. То, что он видел в телевизоре, не могло быть луной. Он знал это совершенно точно. Либо люди, которые полетели навстречу шепоту звезд, ошиблись адресом, либо всех вводили в заблуждение. Но Дитеру не нравилась мысль о том, что кто-то обманывает его родителей, и поскольку ему не хотелось их разочаровывать, он ничего не сказал, послушно смотря на экран, на котором происходило мало чего для него интересного.

В конце концов, отец снова подхватил его в воздух, и пару раз подкинул вверх, что показалось Дитеру гораздо более захватывающим, нежели наблюдение за белыми пятнами на телевизионном экране, но тут мама сделала на папу строгие глаза, и он отпустил Дитера, напоследок потрепав ему волосы.

— Ну все, теперь можете идти досыпать, — по голосу отца было слышно, что он чем-то очень сильно восхищен, и Дитер про себя еще раз решил, что в таком случае он не будет говорить ему об обмане. Киис, по пути к лестнице наверх, на бегу стащил со стола разом два бутерброда, и это навело Дитера на мысль. Несколько мгновений он тоже в задумчивости смотрел на бутерброды, затем, тайком взглянув на маму и убедившись, что та снова уже была занята

своими очень важными делами, осторожно взял с тарелки один бутерброд. Затем, подумав, быстренько стянул еще один. Для Кота.

— Они думают, что они улетели к звездам. Но я видел, это была не настоящая ракета, только игрушка. А взрослые почему-то не видят. А я знаю. Я знаю, что шепот звезд — он не такой. Он... — Дитер нахмурился, пытаясь выдать в сознание смутное ощущение, что слабо шевелилось у него внутри: того, какой же он, шепот звезд. Кот посмотрел сочувственно, мол, друг, понимаю, но у него на текущий момент были более важные задачи. Он ел бутерброд. Рядом лежала не подающая признаков жизни мышь, которая перестала интересовать кота, как только, собственно, она прекратила подавать оные признаки. До этого он очень усердно пытался ухватить ее зубами и что-нибудь ей там перекусить, а потом периодически отпускал и проверял лапой: шевелится она еще или нет. Когда мышь взбрыкивала и пыталась улизнуть, то каждый раз неумолимо была придавлена лапой, а затем в ход вновь пускались зубы. Когда в последний раз кот попытался растормошить несчастную жертву, но та уже никак не реагировала на истязательства, коварный хищник отвернулся с презрением к бутерброду. Неубегающая из-под лап мышь была не интересна, а бутерброд был вкуснее.

Из-за угла дома раздались шаги, и через несколько секунд из-за стены показалась зло-радная физиономия брата. У Дитера все сжалось внутри от напряжения, но ему не хотелось показывать этого брату, а посему он очень старательно улыбнулся, и, ожидательно всматриваясь в лицо и позу Кииса, только присел на корточки поближе к коту, то ли в попытке защитить того, то ли наоборот, в надежде что кот, если что, защитит его. В руках у Кииса был мот металлической проволоки, а на голове отцовский мотоциклетный шлем, который был святым граалем дитеровского вождения, но трогать который им обоим — и Киису, и Дитеру — было строжайше запрещено. Мамой. Отец, правда, тайком, в гараже, давал Дитеру его померять. А сейчас, видимо, брат попал в великую милость, раз шлем был отдан ему в пользование открыто. У Дитера зашевелились внутри недоразумение и обида, но он опять же на корню, в зародыше, задавил это чувство улыбкой. И лишь еще ближе подвинулся к коту, ухватив того за шею.

Киис оценивающе осмотрел живую скульптуру брата, обнимающего кота, но видимо в этот день у него были более важные интересы. И действительно, в радостном запале он выдал: — А мы летим на Луну, а ты мелкий, не полетишь, потому что мелких на Луну не берут. Мелкий, мелкий таракан, стащил у Черного Пита стакан!

И показав на прощание Дитеру язык, брат вновь скрылся за углом.

Про таракана и про стакан Черного Пита было обидно. Во-первых, Черного Пита Дитер любил и не стал бы ничего у него стаскивать. Ну а если бы уж и опустил, при надобности, до такого, то наверняка он стащил бы у знаменитого пажа что-нибудь более интересное, нежели стакан. Но еще более обидным было его исключение из игры. Не смотря на все их трения с братом, ему всегда очень, ну очень хотелось быть приглашенным в их игру, ощутить себя частью стайки более взрослых мальчишек. Но его никогда не звали. Более того, дни, когда их внимание было направлено на что-либо другое, чем поиск очередной зловещей шутки, чтобы посмеяться над младшим братом Кииса, — то были хорошие дни. Единственное, что Дитер мог сделать, чтобы не поддаваться обиде, это сказать себе, что их Луна его не интересуется, потому что все равно она не настоящая.

С твердым намерением не задумываться более о Киисе и его лунной команде, он подхватил кота под мышки и потащил его в гараж к отцу. У него была важная задача: убедить отца поговорить с мамой, чтобы та разрешила коту остаться. У Дитера был друг. Он был с ним

сколько он себя помнил, но друг не был человеком, его вообще никто, кроме Дитера, никогда не видел, да и Дитер-то сам его уже тоже давно не видел: от друга остался только Голос, и тот с каждым днем все больше превращался лишь в слабое отражение присутствия. Раньше, когда Дитер рассказывал о друге, мама очень раздражалась, и Дитер, уловив, что идея такого друга ей совсем не нравилась, научился помалкивать о нем при других людях. И иногда он думал, что, может быть, именно поэтому друг с каждым днем исчезает все больше за какой-то неведомой гранью одному ему ведомого мира, и ему было от этого грустно. Он даже чувствовал себя немножечко виноватым, но с властью мамы было трудно бороться.

Но недавно возле их дома завелся кот. И кот тоже стал другом, и Дитеру очень не хотелось, чтобы и он исчез, а посему было очень важно уговорить маму разрешить, чтобы кот остался. Кот, похоже, понимал весомость задачи, а посему ничуть не возмущался по поводу такого несколько неуважительного с ним обращения, но как только они зашли в гараж, тут же вывернулся из объятий Дитера и уселся у него под ногами, с важностью и достоинством облизываясь.

Отец внимательно рассматривал несколько кусков дерева, которые, как на витрине, были выставлены у него на верстаке. Когда Дитер вошел, отец поднял глаза на сына, улыбнулся и подмигнул.

— Иди сюда, — поманил он одной рукой, — смотри, что скажешь?

У Дитера сладко засосало под ложечкой от предвкушения. Он очень любил, когда отец вовлекал его с свои деревянные творения. А когда уж он спрашивал у него совета, Дитер вообще тихо весь надувался от гордости и ощущения собственной значимости. Помимо того, ему ужасно нравился весь процесс: внимательно присмотреться к бревнышкам, приложить к дереву ухо и послушать, о чем оно шепчет. Все это напоминало Дитеру магию, и они с отцом были как будто настоящие волшебники. Они даже сделали маленький алтарь-домик для каботеров в углу гаража, чтобы те покровительствовали их искусству. Как-то, когда они ходили в лес собирать желуди, отец помог потом Дитеру смастерить маленькую фигурку, которую они поселили в домике, а мама, на удивление всем, хоть и поворчав о потере времени на всякие глупости, даже сшила новорожденному каботеру цветные штаны.

Теперь Дитер осторожно обошел рубанок, чтобы посмотреть на куски дерева с той же стороны, что и отец, и застыл, присматриваясь к брусочкам, расставленным пред ними на небольшом расстоянии друг от друга. Их было четыре. Все были высотой где-то с пол руки Дитера, от локтя до кончиков пальцев. Один может был чуть повыше. Он прогибался дугой где-то посередине, и его тугое тело, казалось, сдувало в сторону ветром, как дерево. Тот, что стоял слева от высокого, был наоборот приземист и широк. Он твердо стоял “на ногах”, расставив в стороны, как шипы, маленькие задиристые сучки. Третий и четвертый были почти одинаковыми, ровными, гладкими, с практически круглыми разглаженными стволами. Но Дитеру почему-то показалось, что третьему сегодня не хотелось ни во что превращаться. Он указал на него пальцем.

— Этот нет.

— Почему? — по тону отца было ясно, что он не столько проверял аргументированность выбора сына, сколько ему действительно было любопытно, чем тот руководствовался.

— Он не хочет. — Дитер был уверен.

Отец взял брусок в руки, погладил его, осторожно, прислушиваясь, поднял, как будто рассматривая со всех сторон на свет, и затем осторожно отставил в сторону, усмехнувшись.

— Ну хорошо, — он ласково погладил Дитера по голове, но взгляд его был обращен обратно на станок. — А теперь?

Дитер нахмурился. Он не знал, в чем была задумка отца, но ему казалось, что все три куска дерева, каждый по-своему, устремлялись в высь. “К звездам”, — подумалось ему. Тут же восхитительная догадка озарила его.

— Ты будешь делать космонавта?

Отец рассмеялся.

— Ну, не совсем космонавта. Мы будем делать человека, который летает.

— А это как? Как человек может летать?

Отец наклонился к его уху и, как будто по секрету, заговорщицки прошептал:

— Летать может тот, у кого есть крылья.

Идея Дитеру очень понравилась. Он представил себя с крыльями; летающим над домом, над двором, над лесом; поднимающимся все выше и выше, пока внизу оставались разевающие рты Киис и его команда. Он даже раскинул руки, представляя как это — иметь крылья и летать. И вот так вот, с распростертыми руками он вновь посмотрел на расставленные на верстаке три бруска. Тот, который был выше всех и изогнут как дерево, склонившееся от ветра, безусловно хотел взлететь. Очень. Но не мог. Крыльев у него не было. Не было ни сил, ни способностей распустить их. Крылья были у того, что слева. Большие, широкие, прочные, они могли парить в вышине, планируя бесконечно и никогда не опускаясь. Но человека у этих крыльев не было. Как было разрешить эту загадку? Дитер, опять нахмурившись, посмотрел на отца.

— Вот этот хочет взлететь, но у него нет крыльев. А у этого есть только крылья и больше ничего.

Отец с любопытством посмотрел на Дитера, и затем перевел взгляд на два полена, о которых говорил сын.

— Ну и что же мы будем делать? Как думаешь?

Дитер усиленно думал. Решение было очевидно, но он был не уверен в том, что так было можно.

— Приклеить крылья этого, к тому, что хочет летать?

Отец рассмеялся, громко, раскатисто. Дитеру очень нравилось, когда он так смеялся.

— Вот это было бы чудесное решение, не правда ли? — Он потрепал Дитера по голове. — Нет своих крыльев — займи чужие. — Он снова наклонился к уху Дитера и заговорщицки прошептал: — Вот только в жизни так не работает. Каждый должен найти свои крылья.

Дитер вновь с грустью посмотрел на объекты дискуссии. Как же теперь быть?

— Учись смотреть за пределы того, что лежит на поверхности.

Отец протянул руку к бруску, что стоял справа. Для Дитера тот молчал, он не видел в нем ничего интересного. Что в нем увидел отец?

— Иногда за кажущейся простотой скрывается невидимая сила, которая гораздо прекраснее красоты очевидной.

Отец медленно задумчиво гладил шершавой ладонью дерево, как будто его пальцы тому что-то шептали. Наконец отец протянул брусок Дитеру:

— Что скажешь на счет этого?

Дитер приложил ладошку к дереву. Брусок спал. Так по крайней мере ему казалось. Он неуверенно пожал плечами.

— Попробуй представить себе человека с крыльями. Закрой глаза и представь.

Это было легко, потому что буквально несколько мгновений назад Дитер уже летал с своем воображении на зависть всей улице.

— А теперь посмотри еще раз на брусок, и попытайся увидеть в нем, то, что ты видел в своем воображении.

Это было уже сложнее. С двумя другими было проще. И крылья, и человек, жаждущий взлететь сами приходили на ум, когда Дитер на них смотрел. С этим же его воображение мол-

чало. И это было обидно, ведь видел же что-то в этом куске дерева отец. Но Дитер только стряхнул упорно пытающиеся вылезти из глаз слезы. Раз он там ничего не видит, значит там ничего нет. И он упрямо замотал головой.

— Нет, этот нет.

Отец в задумчивости поставил брусок на место и, подперев голову кулаками, продолжал внимательно рассматривать кусок дерева.

— Может ты и прав, — вздохнул он, но взгляд его по-прежнему был направлен не на Дитера.

Дитер решил оставить отца в его задумчивости и потихоньку сполз с его колен. Тут же кот с видом, наполненным собственного достоинства, подошел, чтобы потереться об его коленку. Дитер вспомнил, что на самом-то деле пришел к отцу по делу. В раздумьях по поводу того, как бы было бы лучше всего преподнести вопрос отцу, он снова потянул кота к себе на грудь, хотя тот был и тяжелый, зараза. Отец в этот момент оторвал взор от вопроса видимого и невидимого в материале искусства и поднял глаза на сына. Смотрел он, конечно, добродушно, сканируя живую статую Дитера с котом на груди, но, тем не менее, по этому же самому взгляду Дитер уже понимал, что победы ему не ждать.

— Это твой друг? — отец протянул руку, чтобы погладить кота, но тот, упертый, вывернулся из объятий, и, подалее от совершенно ненужных ему чужих ласканий, спрятался у Дитера под ногами.

Сочувствие — вот что читалось в отцовском взгляде. Дитеру не нравилось, когда ему сочувствовали. Это всегда предвещало что-нибудь неприятное, как поездку к доктору, мерзкую пренеприятнейшую вещь как температура, ну или вот, отказ в чем-то, что было очень, ну очень важно.

— Я боюсь, друг, что маме не понравится эта идея, — сказано это было также с сочувствием, что означало, что поддержки от отца ждать было напрасно.

Но Дитер не собирался показывать свое поражение. Он как можно небрежнее улыбнулся и пожал плечами:

— Мы так просто, играем. — Для пущей убедительности, что вопрос кота ему в общем-то и совсем не важен, он с деланным интересом обошел гараж по периметру, рассматривая его убранство, с которым он, на самом деле был знаком, как со своими пальцами, и лишь затем, вновь схватив кота в охапку, неторопливо направился к выходу из мастерской.

— Ну мы пошли, а то у нас еще дел много...

Отец наблюдал за выходом сына все с той же виновато-сочувствующей улыбкой.

Глава 5.2

Сны Уо...

Человек на Луне

Часть 2

Дитер сидел на крыльце и размышлял. Кот неподалеку был занят очень важными делами, как рассматривание на свет травы и гонянием за мухами. Размышления Дитера были тактико-стратегического характера. Вопрос стратегический состоял в том, что делать с котом: оставить его на улице или забрать его в дом. Оставлять его на улице Дитеру очень не хотелось. Во-первых, друзей не предают. Во-вторых, Дитеру почему-то казалось ну очень важным, чтобы кот жил вместе с ним. Почему это было важным, он объяснить себе не мог, но точно знал — нужно. И вот тогда вставал вопрос тактический: как добиться разрешения от мамы. Очевидно было, что отец как союзник был потерян. Противостояние с мамой даже в союзнничестве с отцом было делом практически гиблым, а уж без него... С какой стороны Дитер ни смотрел на вопрос, ну никак не видел, каким волшебным образом можно было бы склонить маму к благосклонному созерцанию обитания кота в доме.

И тогда ему пришло в голову единственное, как ему казалось, возможное решение: кота надо спрятать. Если он сумеет скрывать присутствие кота достаточно долго, тогда возможно, когда мама-таки его обнаружит, кот уже настолько приживется в доме, что мама не сможет его выгнать. Мысль показалась Дитеру достойной, вот только где его спрятать? В его комнате явно нельзя — Киис выдаст и не поперхнется. В кладовке? Коту будет темно, страшно и скучно. Единственным местом в доме, куда мама практически не заходила, была отцовская мастерская. И хотя отец вроде как уже отказался от сотрудничества, но ведь, с другой стороны, он же сказал, что мама не разрешит! А если они поселят кота в гараже, мама же просто не узнает! А кот будет помогать каботерам охранять мастерскую, мышей опять же ловить, ведь дереву вредны мыши.

Окрыленный вновь возродившейся надеждой, Дитер сгрел кота подмышку и чуть ли не побежал снова к отцу. Правда, перед самым поворотом за угол кот вдруг, ни с того ни с сего, решил проявить волю характера, изогнулся дугой и вырвался из страстных объятий друга с такой прытью, что расцарапал Дитеру до крови все руки. Дитер от удивления, обиды и боли аж замер, а кот тем временем принял боевую позицию, и, выставив шерсть торчком, принялся шипеть в направлении гаража.

— Ты что? — Дитер спросил неизвестно с чего вдруг взбеленившегося друга, на всякий случай шепотом. Кто его знает, кого или что вдруг почувал кот. И тут Дитер понял, что из гаража доносятся странные звуки. Там что-то гроыхало, как будто тысячи бешеных мышей пытались унести ноги от тысячи не в более здравом уме котом. И грохот тот перемежался с отчетливым карканьем. С замирающим сердцем и в предвкушении неизвестного, Дитер осторожно высунул голову из-за угла, чтобы посмотреть, что же там происходило в гараже. И тут же сам замер от увиденного. Во-первых, по всему гаражу металась черная птица, очень похожая на ворона. Мысль о бешеных мышах, похоже была недалеко от истины, потому что птица была явно не в

себе. То она летала по кругу, издавая боевое “Кррр! Крррр!”, то грудью бросалась на одну из стен, сбивая при этом своими крыльями с полок отцовские поделки.

А посередине всего этого хаоса находилась... фея. То, что это была фея, Дитер был абсолютно уверен. Хотя бы потому, что у нее были рога. Он видел такие на картинках про викингов. Но на викинга она была совсем не похожа. Она была похожа на взрослую девчонку, одетую во что-то вроде пижамы, но держалась при этом, как будто она была королевой в шикарном платье. Правда, в данный момент, это была очень растерянная королева. Она стояла посреди гаража почти не шевелясь, лишь глазами отслеживая истеричные перемещения птицы. “Наверное, она ее боится” — подумал Дитер. Волосы ее, каштанового (мама говорила, что это так называется) цвета, были разлохмачены, но создавали вокруг ее лица такой волнистый ореол легкости и света. И, несмотря на весь ее испуганный и потерянный вид, у нее были смеющиеся глаза. Не по их выражению, а по форме. Ей бы только смеяться и смеяться, а она стоит тут вся такая заблудившаяся. Заблудившаяся фея. Что она тут делала вместе с этой птицей, и куда делся отец?

Дитер замер на своем наблюдательном посту и даже боялся дышать: как бы не спугнуть это чудо, которое случайно к ним сюда занесло. Он даже коту дал знак, чтобы тот вел себя потише, но кот не обращал на него никакого внимания и продолжал шипеть. Хорошо, что карканье птицы заглушало все остальные шумы, а посему их присутствие оставалось незамеченным гостьей, и пока они ее еще не спугнули. Гостья же, тем временем, периодически зажимала глаза, сильно-сильно, как делал Дитер, когда очень не хотел видеть что-то страшное, и даже закрывала ладонями уши. Видимо, крики ворона тоже составляли ее персональный кошмар, от которого она хотела избавиться. Каждый раз, когда она вновь открывала глаза, она сначала, не шевелясь, обводила ими вокруг, затем осматривалась уже как следует, беспомощно опустив руки. И каждый раз разочарование результатами обследования неукоснительно отражалось на ее лице.

Птица, тем временем, видимо подустала от своих бесплодных попыток вырваться из воображаемой клетки и тоже с обреченным видом уселась фее на плечо, только периодически взмахивая крыльями и выражая свое возмущение подобным поворотом дел раскатистым “крррр”. Фея же никак не отреагировала на смену диспозиции ворона, как будто, так и надо было. “Значит она не его боялась”, догадался Дитер. Что заставило его в новом свете оценить возвышающуюся перед его взором скульптуру. Выглядела фея с вороном на плече, ну просто, как из сказки. От осознания реального волшебства происходящего у Дитера засосало под ложечкой.

Внимание феи, тем временем, привлекли три бруска на верстаке, и она нерешительно протянула руку к среднему, который они до этого обсуждали с отцом. Она острожно водила пальцами по дереву, совсем так, как Дитера учил отец, как будто гладила беззащитное пугливое животное. Затаив дыхание, Дитер следил за движениями ее пальцев, как будто наблюдая за тайным магическим ритуалом, и, к своему удивлению, он как будто видел, как вслед за движением ее руки робко вырисовывался хрупкий, необозначенный рисунок. Крылья! Вот они, те крылья, что видел отец. Они были сложены, а не расправлены в стороны, как Дитер представлял их в своем воображении. Кокон, который до поры до времени скрывал тайны полета. И, наверное, что-то еще. Дитер был настолько потрясен своим открытием, что совсем забыл о том, что, наверное, нужно прятаться, чтобы не спугнуть фею. Увлеченный прорисовывающимся в дереве рисунком, он подошел ближе, но тут кот, видимо, совсем потерял последнее понятие о дружбе, и со всего размаху прошелся своими выпущенными острыми когтями по ноге Дитера.

Вслед за этим сразу одновременно произошло несколько вещей. Дитер обернулся, чтобы высказать все свое возмущение предателю, но тот только по-прежнему выгибал спину дугой и злобно шипел. Не на Дитера. На фею. Что было Дитеру совершенно удивительно: как можно шипеть на фею? Птица покинула свой пост на плече у гостыи и, с явно боевым карканьем, стала метаться вокруг кота. Тот тут же перенаправил свой боевой пыл на нового врага, и противостояние набирало обороты. Кот шипел и лапой (Дитер никогда не видел у него настолько длинных когтей) пытался зацепить то приближающуюся, то удаляющуюся птицу. Ворон же явно хотел залепить коту пощечину одним из своих мощных крыльев. Силы были равны, и ни одному из противников не удавалось задеть хоть сколько-нибудь другого. Фея же тем временем вытянулась в струну, и шаг за шагом пятилась в угол гаража, напряженно переводя взгляд с Дитера на кота и обратно.

Дитер никогда не видел кого-нибудь красивее нее. Даже мама блекла по сравнению с этой волшебной девчонкой с рогами, что стояла сейчас перед Дитером, настороженно вперившись в него взглядом. И взгляд этот вызывал у Дитера самые странные чувства. С одной стороны, ему хотелось немедленно не просто отвести глаза, но еще и просто убежать куда подальше, чтобы спрятаться от этого взгляда, чтобы тот его нигде не нашел и не буравил его всего, как фантастический луч, проходящий человека насквозь, который Дитер как-то видел в одном кино. Но при этом, оторвать своего взгляда от глаз феи он тоже не мог. Ему было страшно, непонятно, неуютно, но в тоже время необыкновенно удивительно.

Дитер давно выучил, что взрослых всегда подкупает его улыбка. Он испытывал эту стратегию постоянно, особенно когда нужно было поддержать с каким-то взрослым мирное положение, или — и особенно в этих случаях — ускользнуть от сурового взгляда, а то и наказания. Дитер улыбался всегда и постоянно, улыбался другим, улыбался себе, чтобы оградить себя от тревожных мыслей и чувств и вообще от всего, что могло как-то расстроить. Улыбка, как он выучил, работала всегда и безотказно. Ну, за исключением мамы. Но мама это была совершенно отдельная история.

Так что теперь Дитер старательно улыбался, отгоняя страх и сомнения относительно того, что вообще нужно делать в случаях случайного заставания фей в местах, не замеченных как среда их обычного обитания. Дитер улыбался, но не был уверен, что улыбка работала — фея по-прежнему пятилась назад, забиваясь подальше в угол. Это Дитера беспокоило, потому что, во-первых, он понятия не имел, на что способны испуганные феи. Вдруг они опасны? Во-вторых, она все ближе подходила к домику для каботеров, и, опять же, было совершенно не известно, как отреагируют духи на присутствие иностранной феи. Вдруг они уйдут? Как тогда они с отцом будут творить? Или еще чего хуже, вдруг тут разразится еще одна война за территорию, покруче той, что только что шла полным ходом, но сейчас уже как-то поутихла (видимо участники устали от бесплодности своих боевых действий), между вороном и котом? С другой стороны, Дитеру было все же ужасно интересно, а что в самом деле будет, если фея встретится с каботерами, а посему он, затаив дыхание, наблюдал за передвижениями гостыи, не в силах решить, стоит ли предотвращать эту встречу или нет.

Фея остановилась сама, не дойдя всего лишь пару шагов до домика. К смущению своему Дитер обнаружил, что остановилась фея, потому что она заинтересовалась... им. Она даже склонила голову на бок, рассматривая Дитера со все более разгорающимся интересом в глазах. Дитер продолжал улыбаться, хотя ему было отчего-то не по себе. Столь неожиданное внимание феи его смущало. Она же, наоборот, казалось, осмелела и стала подходить ближе, не отрывая от Дитера взгляда со все более усиливающимся в нем огнем. Дитер уже стал подумывать, а не пришло ли время ему отступить, но мысль он эту быстро отмел, потому что ну как-то она была совсем уж трусливой. И взгляд этот, от которого хотелось убежать, но никак было невоз-

можно, приковывал. Фея же подошла уже на расстояние вытянутой руки, которую она и протянула, чтобы дотронуться до его... носа. Прикосновение это было очень мягким, осторожным, и оттого Дитер засмутился ещё больше.

— Ну ты это, чего это... — слова как-то терялись в сумбуре мыслей или даже в их отсутствии, но руку фея все же отвела. И что-то сказала. Это был какой-то гортанный, перекатывающийся камешками в горле язык, которого Дитер никогда не слышал (не то, чтобы он был знаком с другими языками, помимо своего, но по телевизору иногда показывали кино на английском или французском (так говорила мама) с субтитрами. Поскольку Дитер еще не умел читать, смотреть эти кино ему было неинтересно, да и не то, чтобы ему разрешали, но звук-то до него все же доходил. И язык, на котором говорила фея, был совершенно не похож на те, из телевизора. Это был, видимо, какой-то сказочный язык.

Только тут Дитер заметил, что в гараже наступила полнейшая тишина. Кот и ворон прекратили свои боевые действия, и теперь птица важно сидела на краю верстака, делая вид, что ему нет никакого дела до кота, но тем не менее периодически скашивая один глаз, чтобы следить за диспозицией врага. Кот же тоже не отрывал от противника пристального взгляда, прохаживаясь туда сюда перед верстаком, видимо оценивая ситуацию и выбирая лучший план дальнейших действий. Но, по крайней мере, он уже не шипел. И тут в голове Дитера раздался Голос.

— Она не понимает, как она сюда попала.

Дитер раскрыл глаза пошире от восхищения ситуацией.

— Я так и знал, что ты заблудилась! Ух ты! А разве феи могут заблудиться? Ну, ты там не можешь чего-нибудь наколдовать, чтобы вернуться?

Сначала она смотрела на Дитера непонимающе. Буквально заглядывала ему в рот, видимо ей было любопытно, как это из него могут происходить такие непонятные ей звуки. А затем на ее лице отразилось удивление. Она вдруг стала панически осматриваться по сторонам, а потом снова заговорила быстро-быстро, слова-ручейки плавно протекали по воздуху, и при этом фея по-прежнему напряженно что-то искала вокруг. Тут же снова Голос раздался у Дитера в голове.

— Она говорит, что не понимает, как это произошло, что она сделала, что оказалась здесь. Говорит, что просто смотрела в зеркало.

Фея при этом растеряно осматривала свои руки.

Дитера же поразила блестящая догадка.

— Так тебе, наверное, надо еще раз в зеркало посмотреть! — и радостный, он схватил ее за руку и стал тянуть к выходу из гаража. Сначала фея сопротивлялась. Потом, вновь начала оглядываться по сторонам, и Дитер понял, что, наверное, Голос ей тоже переводит его слова, и она не может понять, откуда же он исходит.

— Это Голос, это мой друг. Ну то есть, его никто никогда не видел, но он со мной разговаривает. Он знает много-много всего, видишь он даже твой язык понимает.

Тут настала очередь феи раскрывать глаза от удивления. Дитер же продолжал тянуть ее за руку, ему очень хотелось проверить свою догадку на счет зеркала. Фея вроде как даже перестала сопротивляться, но тут в гараже разверзся хаос. Птица-ворон, видимо недовольный тем, что его хозяйку куда-то уводят, возмущенно размахнул крылья и, с громким “Кррр”, взлетел в воздух. Кот, уловивший в происходящем какой-то стратегический момент, тоже пружинисто подпрыгнул, пытаясь достать лапами противника. Звуковое возмущение птицы выросло в разы, и с боевым кличем она начала предпринимать яростные атаки на врага, которые тот отбивал когтистыми лапами. Ворон каркал, кот шипел, а по гаражу уже летали перья и ошметки кошачьей шерсти.

Дитер и фея бросились унимать драчунов. Дитеру удалось обхватить кота в объятия довольно скоро. Кот продолжал извиваться, пытаясь вырваться из кольца рук друга, и возмущенно шипел, но постепенно успокаивался, позволяя Дитеру облегченно перевести дух. Ворон же никак не хотел даваться в руки хозяйки. Поняв, что приблизиться к противнику ему не дают, птица только возмущенно сделала пару кругов под потолком гаража и затем вдруг устремилась к выходу. Фея, что-то крича на своем волшебном языке, бросилась вслед за птицей.

— Э, ты куда? — от неожиданности Дитер даже отпустил кота, который тоже стремительно рванул вслед за двумя другими участниками драки. Дитеру тут же представились Киис и его лунная команда. Если фея выбежит на ту часть улицы, где они играли в Луну, последствия их встречи могут быть совершенно непредсказуемыми. Чтобы предотвратить катастрофу, Дитер ринулся догонять остальных трех.

Он застал фею на выходе из полисадника, уже готовую завернуть за угол, на территорию Кииса. Он только и успел, что ухватиться за рукав ее странной пижамы.

-Тшшшш, — приложил он палец к губам, по-прежнему подтягивая ее за одеяние к себе и не давая ей выйти из безопасной зоны. Фея поддавалась, но при этом она растеряно смотрела вверх, туда, где за крышами соседних домов исчезала птица.

— Я знаю, куда он полетел. Пойдем, я тебе покажу другую дорогу. Туда нельзя.

Дитер старался как можно выразительнее жестикулировать, махая ладонями в направлении, противоположном выходу на улицу, и старался как можно шире распахнуть глаза для пущей убедительности. Бросив еще раз последний растерянный взгляд в сторону крыш, за которыми скрылся ворон, фея все-таки поддалась на уговоры Дитера и, произнеся что-то, сделала неуверенный шаг в его сторону.

Перевода не последовало. Но Дитер почувствовал такое большое облегчение от того, что ему удалось предотвратить встречу феи с братом и его оравой, что все остальное было мелочами. “Разберемся”, уверенно сказал он сам себе, настойчиво ведя фею за руку через полисадник. Ворон улетел в направлении леса. Дитер подумал, что они могли бы выйти на задний двор, и оттуда он знал дырку в заборе, через которую можно было выбраться на параллельную улицу. Кота видно не было — наверное, он убежал вслед за противником. “Ну вот обоих сразу и найдем”, — деловито подумал Дитер.

Пока они шли, фея постоянно задирала голову вверх, пялилась на небо и что-то при этом бормотала. Голос молчал, что было ужасно обидно. Вот как теперь им общаться? “Наверное она все еще птицу свою ищет”, подумал он, когда упрямыца в очередной раз задрала голову вверх и уставилась на небо.

— Да не ищи ты его там, он туда, в лес полетел, там мы его найдем, — и он вновь усиленно замахал в сторону леса. Активная жестикуляция привлекла внимание феи, вернее отвлекла ее от созерцания неба. Она ненадолго задержала взгляд в направлении, куда указывал Дитер, но, видимо, не найдя там ничего интересного, принялась оглядываться по сторонам. Вид у нее становился все более и более удивленно-восхищенный. Похоже все, что она видела вокруг, ей было в новинку. Дитер было уже начал наполняться гордостью, что это он открыл для нее его мир, но тут она вырвала свою ладонь из его и принялась ощупывать все, что ни попадало ей под руку. Дитер стал беспокоиться, что выглядело это со стороны, наверное, несколько странно, и что так они и тут привлекут к себе нежелательное внимание.

Он снова схватил ее за руку и принялся тащить еще более усиленно в направлении к лесу.

— Ну что ты, прямо как маленькая, пойдем, пойдем же быстрее, нам еще кота с птицей искать.

Фея поддалась было на уговоры и какое-то время послушно шла за Дитером, хотя и оглядываясь по-прежнему по сторонам, а потом она вдруг рассмеялась. И вырвавшись еще раз из захвата Дитера, заливаясь смехом, побежала вперед, раскинув в стороны руки. Дитер поначалу было опешил, но переливы ее смеха были настолько заразительны, а раскинутые в стороны

руки напоминали крылья в полете — как он их себе воображал, когда сидел на коленях у отца, разглядывая его заготовки — что внезапная радость и легкость охватила и Дитера. И он тоже раскинул в стороны руки и побежал вслед за феей, представляя, что на самом деле он летает.

Улица гладкой лентой подбиралась к самому лесу и ручейком втекала в него, извиваясь среди деревьев. Они бежали, кружились, смеялись.

— Я лечууу! — кричал что есть сил Дитер. И фея тоже кричала что-то в ответ, а Голос по-прежнему молчал. Но это было не важно. Потому что все равно было здорово, так, что даже что-то сжималось в груди, и хотелось зажмурить глаза и обнять весь мир.

Бежать хотелось бесконечно, но только вот легкие их были не согласны с подобной постановкой вопроса. Выдохлись они очень быстро, и как только дорожка-ручеек выбежала на поляну, где они, как правило, с отцом собирали желуди, оба повалились на траву, по-прежнему раскинув руки в стороны, как в полете, задыхаясь как от бега, так и от не желающего прекращаться, буквально раздирающего их изнутри смеха.

Потом они успокоились, и еще какое-то время просто молча лежали, уставившись в небо. Мир нависал над ними, как огромный купол: небесная гладь, лениво плывущие мимо облака, кромки деревьев по краям поляны. Фея протянула руку к небу и что-то сказала. Голос по-прежнему молчал. Но Дитеру показалось, что он понимает, о чем она говорит. И догадка привела его в восторг, так, что он даже сел.

— Ты, наверное, оттуда, да? Ты живешь на какой-нибудь звезде, там, далеко-далеко? — от избытка чувств он протянул к небу аж обе руки, как будто надеялся дотянуться до тех пространственных далей, откуда прибыла фея. — Вот здорово! — он повернулся обратно к фее, потому что вид у нее был совершенно волшебный, а далеких звезд, с которых прибыла гостья, все равно не было видно. — А у нас тут недавно тоже ракету на Луну запустили. — Он поморщился. — Вернее они это говорят, что они были на Луне, но мне кажется, либо они все врут, либо взрослые что-то перепутали. У нас тут показывали по телевизору, как они приземлялись на Луну, и она была какая-то ненастоящая. — Он на мгновение задумался, стоит ли задавать волновавший его вопрос, но в конце концов любопытство победило:

— А ты умеешь слушать шепот звезд?

Он даже почти перестал дышать, уставившись на фею в ожидании ее ответа. Она какое-то время смотрела на него, и в ее глазах плескалась какая-то смесь удивления и... восторга? А затем она принялась что-то быстро объяснять, постоянно делая широкие жесты руками и указывая на небо. Дитер не знал, куда себя девать от осознания чуда и торжественности момента. Она действительно прилетела со звезд! И даже не прилетела, а вообще каким-то волшебным образом перенеслась! Ну, еще-бы, она же фея! Дитер тут же вспомнил, что они здесь делают и зачем. Нужно же искать птицу, а потом возвращаться домой, чтобы фея могла посмотреться в зеркало. Дитер сразу загрустил. Ему не хотелось, чтобы фея исчезала. Но вот как бы сделать так, чтобы она задержалась?

Фея, как будто почувствовав смену его настроения, стала вновь, как тогда в гараже, внимательно его разглядывать. При этом она опять что-то говорила, и Дитеру ну никак не приходило в голову, что же это она такое лопочет. Ему только вдруг стало невыносимо жарко, он чувствовал, как покрывались раскаленным огнем его уши. А Голоса все так и не было! Вот в самый нужный момент его нет, а еще друг называется. Дитер знал только один способ борьбы со смущением: он заулыбался. На лице феи тоже загорелась улыбка в ответ, и Дитер вспомнил, как в первый момент, когда ее увидел, подумал, что у нее смеющиеся глаза. Вот теперь ее взгляд просто искрился смехом, а глаза превратились в два маленьких месяца, скрывающихся за бугорками щек. И вновь, как совсем недавно в гараже, фея легонько коснулась его кончика носа, и он только продолжал улыбаться, поскольку почувствовал, что огонь, прожигаящий его уши, быстро поглощал уже все другие части тела.

Нужно было как-то отвлечься. Взгляд его упал на высокий дуб, раскинувший свои могучие лапы посреди поляны. Этот дуб был причиной их с отцом походов сюда: осенью они собирали под его могучими ветвями упавшие желуди и потом мастерили из них всевозможные фигурки. А еще Дитеру всегда очень хотелось залезть на этот дуб, на самую-самую верхушку. Там, должно быть, видно все-все-все вокруг. Ему, конечно, никогда не разрешали этого сделать. Но сейчас ему пришло в голову, что у него была очень веская причины исполнить свою давнюю мечту. В конце концов, им же нужно было найти ворона.

— Слушай, а давай залезем на дерево? Вот на это, — он вновь стал очень активно жестикулировать в сторону дуба, чтобы, даже в отсутствие у них переводчика, она уж точно поняла, о чем речь. — Нам же нужно найти твою птицу. А оттуда, сверху, все-все видно.

Наполненный энтузиазмом, он вскочил и побежал к предмету своих давних вождедений, чтобы изучить наиболее доступный путь наверх. Дуб простирал свои могучие ветви, как огромное мифическое морское животное со множеством щупалец. «Осьминог» называлось животное, он видел его картинку в большой толстой книге с именем «циклопедия». Ветви дерева протягивали свои щупальца во все стороны, извиваясь, иногда даже переплетаясь между собой, создавая сложную сеть, по которой, представлялось Дитеру, не будет никакой сложности забраться на самый верх. Некоторые ветви-стволы опускались аж до самой земли, и на одну из них Дитер встал ногами, чтобы начать свое восхождение. Ветвь была весьма толстой, и пока она проходила достаточно низко от земли, балансировать на ней было легко. На полпути Дитер обернулся, чтобы проверить, что спутница следовала за ним. Фея стояла неподалеку и наблюдала за его передвижением с выражением лица, полным восторга и восхищения. Он с нетерпением помахал фее еще раз, мол, иди сюда, чего ты застряла. Та, подбегая, вновь залилась смехом.

Дитер с очень ответственным видом принялся раздавать инструкции.

— Смотри, это просто, ты главное делай, как я, и лезь за мной. Поняла? — она хоть была и старше его, по крайней мере на вид, но все равно девчонка ведь. Всем известно, что девчонки не умеют лазить по деревьям.

У Дитера так громко стучало сердце, что ему казалось: вот-вот, и оно выскочит через уши. Он продолжил восхождение. Когда ствол ветви начал, наконец, круто подниматься вверх, и идти по нему стало уже затруднительно, он просто лег на него и пополз. Добравшись до пересечения ветвей, он почувствовал в груди ощущение первой победы. Ветвей было много, они все были очень крепкие и волнистые, что делало достаточно легким нахождение точек перехода. Это было не сложнее, чем забираться по прикладной лестнице, только гораздо, гораздо интереснее. Периодически он останавливался на каком-нибудь разветвлении, и опираясь руками либо на очередную дубовую лапу, либо даже держась за основной ствол, оценивал обстановку. Большей частью все было довольно просто, и следующая ступенька в сети ветвей находилась быстро, но пару раз он даже подтянулся. Наконец он забрался так высоко, что рядом оставались только тонкие ветки, на которые вставать было уже страшновато, вдруг не выдержат. Он взглянул вниз, и ему показалось, что под ним, проглядывая сквозь запутанную деревянно-лиственную паутину, простиралась бездна. Стало не по себе, и он поскорее сел, крепко ухватившись за ближайшую ветку. Но как только он почувствовал, что и держится крепко, и ветка под ним совершенно непрогибаема и могуча, его накрыло ощущение гордости и победы. Как высоко он забрался! От осознания своего достижения засосало под ложечкой.

Фея забралась на его ветку следом за ним и уселась рядом. Вид у нее был, как будто никакой высоты не существовало вовсе, как будто они сидели на какой-нибудь лавочке в парке. При этом ее лицо лучилось удовольствием, словно она съела килограмм шоколадных конфет. Оглядываясь вокруг, она опять залопотала что-то на своем, на волшебном, затем рассмеялась, чуть ли не запрокинувшись назад, Дитеру аж жутко стало, вдруг упадет. Но ее, похоже, это не беспо-

коило. По-прежнему смеясь своим переливающимися цветами радуги смехом, она посмотрела на Дитера и потрепала его по волосам. Внутри Дитера, где-то в районе живота, разливалось абсолютное счастье. Он смотрел на фею и улыбался. А она смотрела на него, и хотелось просто утонуть в этом взгляде, так от него было хорошо. Но и не привычно. Чтобы уж что-то сделать со своей неловкостью, он стал рассматривать черты ее лица, и вдруг, к удивлению своему, заметил, что глаза у нее были разного цвета. Ну как, не совсем разного, они были такие, как будто чай в блюдечко налили. Но в одном глазу, посередине этого чайного моря было голубое пятнышко. Как льдинка. Смотреть на это пятнышко было странно, оно нарушало гармонию, а ведь фея была такая красивая. И тем не менее, оторвать взгляд от этого ледяного маленького острова было тоже сложно — пятнышко завораживало, притягивало к себе. А если смотреть на оба глаза сразу, то было в этом одновременно и что-то неправильное, и в то же время красивое.

Дитера вывел из транса голос феи, и он понял, что так засмотрелся, что перестал замечать все вокруг. Фея что-то ему говорила и даже двигала руками. Он попытался сконцентрироваться и понял, что она прикладывала обе руки к груди и повторяла “Зууууна. Зуууна.” А затем одну руку она перекладывала на грудь Дитера и вопросительно его рассматривала, наклоняя голову набок. “Так она познакомиться хочет!” — осенила догадка Дитера. Наполненный гордостью, он тоже приложил руку к груди и торжественно произнес:

— Дитер.

Это было похоже на кино про ковбоев и индейцев, что он видел по телевизору, и ощущение приключения еще больше возросло.

Выражение лица феи стало очень сосредоточенным.

— Зззиссер, — с трудом выговорила она.

— Да нет, не Зисер, а Дитер.

Фея нахмурилась.

— Зтьииистьер, — и выжидательно посмотрела на Дитера.

Дитер только покачал головой. Ну как маленькая, честное слово.

— Ди-тер. Ди-тер, — как можно медленнее и отчетливее еще раз проговорил он.

— Дзитсер. Дзитсер, — повторила она и рассмеялась. Дитер только махнул рукой. Ладно, и так сойдет. Хотя, казалось бы, чего такого сложно в его имени? Он почесал затылок и осмотрелся вокруг. Не смотря на его ожидания и вопреки высоте, обзор был не так уж и велик, все на самом деле закрывали ветки и листья. А они как будто находились в самом сердце зеленого облака.

— Мдааа... Птицу твою, похоже, мы здесь не отыщем, — фея по-прежнему смотрела на него с интересом. Он показательно обвел рукой вокруг, — не видно ничего здесь. Зато есть вот, смотри, желуди. — На соседней ветке висела гроздь совершенно зеленых еще желудей. Он сорвал один и протянул его фее. Фея осторожно взяла протянутое двумя кончиками пальцев, как мама брала хрустальные бокалы, что стояли в буфете, когда делала уборку. Она с любопытством разглядывала лежащий у нее на ладонке плод.

— Это желудь, — Дитер для наглядности сорвал еще один. — Видишь, из него можно делать фигурки разные, человечков. Видишь, вот это лицо, это шапочка.

Фея с очень довольным выражением лица посмотрела на Дитера и очень важно произнесла: — Злусь.

И пока Дитер размышлял, что она хотела этим сказать, она опять закатилась смехом. Более того, она буквально опрокинулась назад, обогнувши спиной могучую ветку, на которой они сидели, и так повисла, раскинув по привычке руки в стороны. Дитер поначалу испугался, что она упадет, но фея висела на ветке очень уверенно. Тогда он решил, что ему, как мужчине, отставать не след. Нет, он не стал уж совсем отпускать ветку, за которую держался, но прогнулся назад по максимуму, насколько позволяла рука. Сердце бешено колотилось. Ощущения были совершенно ни с чем не сравнимые. Не имея в поле зрения никаких признаков земли,

Дитер представлял себе, что он в полете. Сверху, сквозь ажурную сеть ветвей и листьев, проползали по небу облака, и Дитеру казалось, что и он тоже дрейфует куда-то вместе в ними.

Когда они вновь уселись как следует, Дитер решил, что раз уж они теперь познакомились, наверное, будет не совсем неприлично, если он потрогает ее рога. Уж очень было интересно. Дитер они раз видел козу, но вид у козы был настолько недружественный, что трогать рога козы ну никак не хотелось. А больше никого с рогами он пока что и не встречал. Он осторожно протянул руку к ближайшему рогу, что извитой загогулиной смотрел на него, но прежде, чем дотронуться, вежливо осведомился:

— Можно? — все-таки мама всегда говорила, что трогать чужое без разрешения нехорошо. Хотя, с другой стороны, она же его нос трогала! Фея смотрела на него удивленно-вопросительно, но от жеста не отклонилась. И Дитер решил, что можно считать это разрешением. Рог был совсем как живой. То есть, ему казалось, что на ощупь он должен быть похож на что-то неодушевленное, на стол, например. А он был теплый. Шершавый и твердый, но при этом казалось, что там, под коркой, бьется пульс. Он стал гладить шершавую поверхность, но тут фея дернулась, и, засмеявшись, наклонила голову, отводя рог в сторону от руки Дитера. Выглядела она при этом смущенной, и Дитеру показалось, что ей щекотно.

И тут где-то совсем рядом раздалось знакомое “Кррррр!”. Они оба разом подскочили, и Дитеру пришлось схватиться за ветки обеими руками, чтобы не упасть. Раздавалось шуршание веток, и, наконец, пробирающийся боком по ветке сквозь заросли ворон явился перед их очи. Птица остановилась неподалеку, не стала подходить к ним близко, и вид приняла очень важный. В клюве у нее что-то было, что-то блестящее.

Фея заговорила, указывая рукой на ворона. Она все время повторяла одно и то же слово, и Дитер решил, что, наверное, она хочет знать, как называется птица на его языке.

— А, это птица. Пти-ца, — произнес он еще раз по слогам, уже предвидя обычные сложности.

— Сиса, — довольно повторила фея, и протянула руку к ворону. Тот посмотрел подозрительно и подвинулся поближе к фее, но все равно все еще оставался на расстоянии. Фея же повернула свое хитрое лицо к Дитеру, и с довольным видом повторила: — Си-са.

— Да нет же, не сиса, а птица. Ладно, попробуй во-рон. Вооо-рроон. Может так тебе проще будет.

— Вооорн, — сосредоточено протянула фея. И вдруг снова рассмеялась своим рассыпчатым смехом, — Сиса воорн. — Выражение лица у нее было очень довольное. Мама в этих случаях говорила «как кот, объевшийся сметану», хотя, если честно, Дитер ни разу не видел, чтобы кот ел сметану. И было бы интересно посмотреть на него при этом действии, потому что если у него действительно будет такое лицо...

Ворон еще раз издал свое горловое «Кррррр», даже не раскрывая клюва, и наконец распахнул крылья, чтобы пересесть-таки на плечо хозяйки. Фея внимательно посмотрела на блестящую штуку в клюве птицы и протянула к ней свою ладонь. Птица раскрыла клюв, и предмет тихо упал в руку фее. Дитер нутром понял, что происходит что-то важное, и замер в ожидании, напряженно вглядываясь в предмет, что держала фея. Она подняла его вверх, рассматривая его, и Дитер почувствовал, как на глазах его выступили слезы. В руке фея держала осколок зеркала.

Фея потрясенно посмотрела на Дитера. Ну вот и все. Сейчас она посмотрится в него, и все закончится. Он пытался улыбаться, как обычно, но слезы все упорнее грозилась вылезти из глаз. Она улыбнулась и снова ласково дотронулась кончиками пальцев до его носа.

— Дзиииитсеер.

От звука ее голоса становилось хорошо и от этого плакать хотелось еще сильнее. Он зажмурил со всей силы глаза, чтобы не позволить слезам все-таки вытечь. Через секунду его

кожа перестала ощущать тепло ее пальцев. Он затаил дыхание. Рядом не было слышно ни шороха, ни колебания воздуха. Что она делает? Может она уже исчезла? Тут вновь раздалось уже ставшее таким родным «Кррр», так что Дитер аж вздрогнул от неожиданности и открыл глаза. Ни феи, ни птицы рядом с ним не было. Он на всякий случай осмотрелся вокруг, но не увидел ничего, кроме ветвей и листьев. Грудь распирало от обиды. Ну как вот она могла так просто взять и уйти? Глаза вновь опасно заполнялись слезами. Чтобы не поддаться им, Дитер как можно более нарочито пожал плечами. Ну и пожалуйста. Не очень-то и хотелось. Вот он сейчас пойдет, найдет кота и уговорит маму позволить ему остаться. А она пусть там летает среди звезд со своей птицей. Может и ее звезды тоже не настоящие.

Дитер еще раз нарочно пожал плечами и решительно посмотрел вниз, чтобы начать спускаться. Ветвистая сеть, казалось, уходила в пропасть, как будто от земли его разделяли километры. То, что по пути вверх было таким легким, теперь представлялось ему совершенно недостижимым. Следующее ответвление, на которое можно было опереться было очень далеко. Он никаким образом не сможет удержаться и обязательно упадет. Ноги и руки его совершенно отказывались шевелиться. Дитер смотрел и смотрел вниз, на убегающую цепь веток-щупалец, сидя почти на самой верхушке огромного дуба и понимал, что он никак не может оттуда спуститься.

Глава 6

Сны Ийоха...

Все о котях

— Нет, ну кто, кто вам сказал, что коты лучше всего подходят для духовного подселения? Я тебе клянусь, эта бестия совершенно вышла из-под контроля.

Оу до сих пор не мог оправиться от того ужаса, что он пережил, когда животное, через которое он пытался поддерживать связь с Уо с тех пор, как Дитер стал слышать его все хуже и хуже, просто как будто взбесилось, увидев эту совершенно жуткую птицу. Оу даже не представлял себе, что такое ужас ровно до того момента в гараже, когда управляемый им кот решил взять бразды правления в свои руки и, раздираемый будоражащей кровью страстью охоты, стал бросаться на зловещего ворона, которого явно воспринимал, как опасность. Слава Богу, Оу удалось отделиться от сбесившегося животного, и — О, Чудо! — Дитер снова услышал его, иначе так и остался бы Оу сходить с ума, потерявшим какое-либо представление о себе самом, раздираемый навсегда неуправляемыми животными инстинктами.

— Ну, ничего, бывает, — с философским спокойствием заметил Иннокентий, как ни в чем ни бывало продолжая вылизывать свой весьма упитанный живот.

Когда Оу поинтересовался у своего первого на Земле друга и наставника о происхождении его столь странного имени, тот объяснил, что так звали его первого кота, воспоминания о котором он сих пор вызывали у него светлые чувства ностальгии. “Эх, молодость, какие были времена: все внове, свежесть ощущений и это вечное ожидание чуда, которое, казалось, подстерегало тебя за каждым углом”. — “А что, теперь чуда уже не ждешь?” — “К чуду привыкаешь очень быстро, когда понимаешь, что оно не за углом, а все в вокруг, на самом деле, в том числе и ты сам, и есть чудо”, — такие разговоры доставляли неизменное удовольствие самому Иннокентию, но все еще очень сильно смущали Оу: пока что он не сумел до конца разобраться со смыслом всего с ним происходящего.

— Бывает? Бывает?! Да как же вы здесь живете?

— Поверь мне: коты, как материальные сущности, действительно лучше всего по своей энергетике подходят для вселения духа. У местных жителей даже ходят легенды, что коты, на самом деле, не кто иные, как инопланетные или иномирные переселенцы. А дыма без огня не бывает, как, опять же, говорят одни из них, местных жителей, в смысле, не котов. Ты еще не пробовал вселяться в осознанные создания, вот тогда бы ты в полной мере ощутил всю радость раздвоения личности.

— А коты что, не осознанные?

— Нет, ну, осознанные, конечно, но их сознание пролегает в другой плоскости, отличной от твоего, а посему они не пересекаются, в большей части случаев, что весьма облегчает тебе задачу операторства. А вот заселился бы ты в собаку или коня, например, я бы посмотрел, чтобы ты тогда запел. Хотя, лошади — это уже не актуально: перестали люди работать с лошадьми, за исключением некоторых странных личностей. Так что возможности влияния были бы весьма ограничены. Ну кто там у нас еще есть? Дельфины, киты, осьминоги... Но там вообще все сложно. Мало того, что среда обитания слишком далека от ареала людей, так там еще морская биосфера с собственным сознанием: и помехи создает, да и вообще не любит, когда в ее зону влияния вмешиваются. Кто еще? Ну, гекконы. Но это не про нас, обитают

далековато. Деревья еще есть. Но тут ты был бы весьма ограничен в мобильности, хотя сила импульса воздействия, конечно, гораздо сильнее, чем у животных. Но только ты зависишь от случая и чужой воли: придет, не придет. Нет, все-таки коты — это самый подходящий способ влияния.

— А зачем вообще нам нужно принимать материальную форму?

— Зачем? — Иннокентий, смачно изогнувшись, samozабвенно почесывал себя за ухом. — Ну как? А как ты еще сможешь понять ограниченность восприятия объекта воздействия? Влиять на реальность в виде духа, конечно, гораздо проще: и рычаги все видны, и воздействие на энергию идет напрямую. Но достучаться так можно далеко не до каждого объекта: для этого объект должен обладать определенной чувствительностью. А коты — это своего рода ретрансляторы тонких энергий. С усилителем и фокусировкой. И любят люди нас, котов в смысле. Что очень облегчает задачу сужения радиуса воздействия, потому что способов быть часто, если не постоянно, рядом с объектом — просто море.

— Да уж, море. Моему не разрешают заводить кота. И собаку тоже не разрешают. Ни крыску, ни рыбку, не говоря уже об осьминогах. Там вообще исключительно помешанная на чистоте мамаша.

— У каждого свои причуды. Вообще не рекомендовал бы тратить какие-либо усилия на попытки понять людей. Бесплезно, только зря энергию потратишь. Твоя задача не пытаться понять мотивацию объекта, а искать наиболее эффективные рычаги влияния на него, чтобы он шел по тому пути, что нужен тебе, ну и ему заодно тоже, хотя он этого и не осознает. Так что там у нас с путем?

— Ничего хорошего. На распутье он. Причем ответвление, которое может его отдалить от точки выполнения задачи, возникло после появления этой ненормальной девицы и ее бешеной птицы. Я клянусь, от них несло каким-то другим миром, какой-то явной чужеродностью. А в птице той было вообще что-то до необъяснимости жуткое.

— И это тоже бывает. Мало ли их, путешественников всяких между мирами.

— То есть, они, возможно, действительно были из другого мира?

— А почему нет?

— И много их здесь, иномирян всяких?

— Да вот хотя бы на себя посмотри. Все мы здесь из другого мира.

— Ну это-то, понятно, но то было другое. Просто вспоминая процесс материализации, как-то все это кажется очень сложным.

— Нуууу... Бывают такие умельцы, которые наостряются переходить из одного мира в другой через алеф. Ты пойми, Аттракцион, через который ты сюда попал, это всего лишь один из вариантов возможных ворот. Другое дело, что эти ворота хотели поставить на поток. Ну, мало ли, что у них не вышло, все равно все туда лезут. Но ведь большинство наших друзей, — Иннокентий значительно обвел мордой вокруг себя, указывая на самое разношерстное скопление котов на крыше, на которой они сидели, — попали сюда совсем не через них. Большая часть попадает сюда на энергетических потоках.

— Это как? — кот Оу уже давно сидел в совершенно неестественной для нормального кота позе, то бишь с открытым ртом. Впрочем, в этой позе он находился весьма часто в разговорах с Иннокентием.

— Да ничего сложного, потом как-нибудь тебя научу. Есть еще, правда, любители острых ощущений, которые усилием воли загоняют себя в материализационный раструб. Это, как бы объяснить попроще, когда ты реально просто напряжением силы намерения начинаешь уплотняться. Тут, правда, загвоздка в том, как контролировать сам процесс, чтобы принять именно ту форму, которую тебе нужно. Это целое искусство, и требует невероятных затрат энергии. А уж о возврате в духовную форму из материальной я и не говорю. Поэтому любителей таких немного. Но ощущения, которые при этом получаешь, действительно острые.

Но есть некоторые товарищи — не духи, нет, они изначально рождаются в материальных мирах, — которые могут, скажем так, выбирать себя.

— Как это? — Оу почувствовал, что хвост его аж задрожал от предвкушения.

— Ну смотри. Вот у тебя уже есть определенный опыт для сравнения. В каком состоянии ты в большей степени ощущаешь свою неотделимость от алефа, в духовной или в материальной оболочке?

— В духовной, конечно.

— Вооот. А теперь представь, что ты, будучи изначально рожден в материальной оболочке, с восприятием самого себя абсолютно неизбежно ограниченным твоим физическим телом и всем, что ты с ним идентифицируешь, осознанно отказываешься от этого восприятия, позволяя себе полное слияние с алефом.

Коты, по идее, не обладают яркой мимикой, но на морде у Оу, видимо, отражался совершенно очевидный шок, потому что его собеседник поспешил отреагировать:

— Видишь, даже для тебя, духа, идея кажется слишком уж радикальной. Представь себе насколько это сложно проделать существу материальному. Очень сложно. Но возможно. Этому учатся. Зачем, спросишь ты? Все дело в том, что в момент этого слияния высвобождается просто невероятное количество энергии. И в процессе перехода есть очень короткое мгновение, когда сознание “я” еще не до конца растворилось, а вся высвобожденная энергия все еще сконцентрирована вокруг точки перехода. И этим натренированное сознание может воспользоваться, употребляя всю эту энергию на выбор любого другого варианта “я” из алефа. То есть, он может пожелать оказаться кем угодно в каком угодно мире.

— Но... — Оу почувствовал себя совершенно глупым, потому что он явно упускал что-то важное в объяснении наставника, — зачем им это нужно?

Иннокентий пожал плечами. Оу в очередной раз удивился, до какой степени совершенства было возведено у товарища искусство управления котом. Хотя, конечно, о чем тут говорить, сколько уж времени провел Иннокентий здесь на земле, сколько он уж таких оболочек поменял — не сосчитать. Умение, понятное дело, приходит исключительно с практикой. Оу очень, ну просто очень надеялся, что он столько времени здесь не задержится. Если он, конечно, справится со своей миссией, и Дитер достигнет точки выполнения задачи.

— Некоторым мало одной жизни. Кому-то, возможно, приключения, которые они могут найти в своем мире, кажутся недостаточно возбуждающими. Но я думаю, в основном их манит ощущение собственного могущества: им кажется, что таким образом они обретают свободу.

— Это... странно... — Оу задумался.

— Еще раз повторяю, — Иннокентий вдруг ни с того ни с сего заехал лапой Оу по уху, тот аж вздрогнул от неожиданности, а кошачьи инстинкты опять проснулись, и кот зашипел на обидчика, — не пытайся их понять. У тебя другие задачи. Кота вон научись контролировать. — Иннокентий вновь с ленцой принялся вылизывать одну из лап. — Кроме того, этигаврики еще не самые странные создания. Помимо них есть еще Поводыри. Вот они действительно странны. Потому что они не просто умеют выбирать себя, они еще умеют уводить за собой других. Но этих совсем мало. Потому что нельзя просто научиться быть Поводырем, для этого должен быть Дар.

В этот момент, грациозно, как какой-нибудь зверь из диких джунглей, на крышу запрыгнул еще один кот. Был он весьма здоровым, раза в полтора крупнее Оу, да и Иннокентия, пожалуй. Просто Иннокентий, не будучи, возможно, таким уж и рослым, был невероятно пузат, а этот вновь прибывший был поджарым, весь как один перетянутый мускул. Черная короткая шерсть его лоснилась, словно намазанная жиром, и вообще вид у хозяина шерсти говорил о полной удовлетворенности жизнью. Присутствующие коты заволновались, перестраивая свои ряды и меняя диспозицию.

Оу уже был знаком с вновь прибывшим и потому немного сжался при виде приближающегося хищника, иначе назвать его было нельзя. Иннокентий же лишь презрительно усмехнулся, наблюдая за тем, как черный кот, не спеша, но уверенно и властно, как будто был хозяином места, приближался к ним. Реакция же остальных котов была неоднозначной. Кто-то съезжился точно также как и Оу и старался убраться подальше с траектории продвижения нового участника их котовьего собрания. Кто-то, наоборот, заискивающе собирался в кучку вокруг.

Черный же, еще только приближаясь к Иннокентию и Оу, вместо приветствия бросил, с насмешкой на своей наглой морде:

— Что, Кеша, все пичкаешь молодежь своими маразматическими постулатами?

Когда Иннокентий не удостоил нахала ответом, тот обратил свой взор на настороженного Оу:

— Эй, новенький, бросай этого старика с его сказками о правильной жизни. Он тебя плохому научит. Вот я, с другой стороны... — не договорил он, только ухмыльнулся в усы. А затем Оу напрягся еще больше, когда черный кот лягнул вдруг зубами перед самым его носом, проходя мимо. И рассмеялся, продолжая следовать своим курсом. Лишь бросил через плечо в догонку:

— Не дрейфь, новенький, не съем. Я сытый. — И довольный, разлегся вальяжно практически на самом краю крыши. Его спешно сбившаяся свита расселась полукругом неподалеку.

Оу, с опаской поглядывая на черношерстого нахала, какое-то время поигрывал про себя с мыслью, которую в результате все-таки решился озвучить.

— А Фэб, он из тех, кто сюда попал на энергетических потоках?

Иннокентий вдруг посерьезнел и как-то даже собрался.

— А кто его знает. Может он был здесь всегда, с самого начала. Иногда мне кажется, что весь этот мир был создан именно для таких как Фэб, для того, чтобы они здесь... питались.

— Кеша, ну что ты, не заигрывай, — Фэб даже не потрудился повернуть голову в сторону Иннокентия и Оу, лишь лениво потягивался, с удовольствием мотая туда сюда хвостом. — Тебе же не кажется, ты прекрасно знаешь, — Фэб сделал акцент на этом “знаешь”, — что именно для этого и создан этот мир. Что это просто инкубатор такой необыкновенно вкусной и богатой оттенками пищи. И самое смешное, что чем больше мы едим, тем больше пищи производится. Просто вечный двигатель.

Фэб нарочито выгнулся всем телом, поигрывая лапой в воздухе и по-прежнему не смотря на тех, к кому обращался. А Оу, замороженный, понял, что Фэб тоже наслаждался властью над котовым телом, хотя, казалось бы, вот уж кому все эти ощущения были далеко не внове. Иннокентий же лишь презрительно дернул усом и тоже показательно отвернулся.

— Брось, Кеша, не кривись. Я знаю прекрасно все твои ужимки и прыжки. Но вот только не надо уж мне-то рассказывать сказки про великие духовные миссии: это ты будешь новенькому, как говорят наши лучшие друзья, лапшу на уши вешать. Ибо если кто-то из нас пришел в этот мир не для того, чтобы отведать наивкуснейшей эмоциональной энергии, то для чего, скажи мне, мой старый друг, — при слове “друг” ус Иннокентия вновь задергался, — мы все сейчас собрались здесь, на футбольном стадионе, в преддверии крупнейшего матча?

Толпа бесновалась. Сейчас любой из них, там, внизу, был не отдельной, осознающей себя личностью, а всего лишь частью огромного, чавкающего и постоянно растущего нечто. Оно, это нечто, вздымалось миллионом грудей, пузырилось, опадало местами и снова надувалось. Толпа колыхалась вместе со своей энергетической оболочкой, и каждый внутри этой массы взлетал на крыльях эйфории, чувствуя свою принадлежность к чему-то большему, к чему-то великому, необузданному, изначальному. Кровь бурлила, адреналин играл, и не было для них

преград, и не существовало ничего помимо великого действия, свершающегося пред их очами здесь и сейчас, действия, участниками которого, пусть и опосредованными, они тоже являлись. Здесь, в этот момент и в этом месте свершения, все они — и союзники, и противники — были неделимы.

Огромный, клокочущий, переливающийся цветной, почти кровавой лавой, пузырь, медленно и тяжело дышал у своих оснований, но кверху сужался, стремясь ввысь, чтобы затем разбрызгаться миллионами тонких лучиков, словно фейерверком. Хотя это был скорее букет, скрученный жгут оптоволоконных нитей, что протягивались из цветного, светящегося купола, накрывающего футбольное поле, к крыше одного из небольших подсобных помещений. Все — в одну точку. В точку, в которой находилось некое существо. Все нити тянулись к этому существу. Если бы эту картину мог наблюдать кто-нибудь из людей, ему бы показалось, что какой-то лилипут потягивает через миллионы гигантских трубочек коктейль из бокала гиганта-Гулливера. Но никому из людей сие зрелище было не доступно, а само существо, скорее всего, никак не ощущало себя лилипутом. Очень даже вероятно, что главный герой сего действия чувствовал себя очень даже великаном, могучим и несокрушимым. И чем дольше дышал огромный пузырь, перегоняя по тоненьким сосудам светящуюся субстанцию, тем больше рос вокруг существа другой такой же мерцающий шар, с каждым мгновением наливаясь алым, как кровью. А центр этого шара, там, где находилось то самое существо лилипут-великан, светился все ярче и ярче.

Очень внимательный наблюдатель мог бы заметить, что на самом деле не все нити-трубочки сходились к одному-единственному существу. Множество тоненьких волосков, разрозненных, а потому и не заметных, протягивались к неярким точкам, разбросанным то там, то тут по крышам стадиона. Но ни один из них, конечно, не мог сравниться по сиянию и колоритности с тем коктейльным пиром, что перетекал по стеблям того самого, центрального букета.

Оу наблюдал за великим пиршеством Фэба, не имея воли оторвать глаз и в то же время испытывая чувство невероятной неловкости, даже стыда. Как будто он подглядывал не просто за интимной сценой, а за действием, превышающем все представления о приемлемом в своем непотребстве и тем не менее кажущемся Оу неудержимо притягательным. Он был увлечен и происходящим, и своей собственной реакцией на оное, а потому не видел, как Иннокентий, тоже наблюдавший за тем, как Фэб наслаждался властью и величием, весь напрягся, как будто каждую мышцу его завязали в девять узлов, а сам он превратился в соляной столп. И только глаза его, полностью утратившие в тот момент что-либо кошачье, превратились в чаши, в которых плескалось что-то... Тоска? Отчаяние? Презрение? Все это вместе, и что-то еще, что-то древнее, первородное. Сильное. И одновременно слабое. Да, слабость тоже присутствовала в этой странной амальгаме, мерцающей блестками в глазах Иннокентия. В конце концов, словно производя невероятное усилие над самим собой он отвел-таки взгляд и испустил долгий измученный вздох.

— Не отвлекайся, — позвал он Оу, смотря не на него, а вроде как равнодушно куда-то в сторону. Тон был нейтральным, бесцветным, но голос звучал с хрипотцой, как будто только что закончился март и кот его очень прилежно поработал в сей месяц глоткой.

Оу воспринял замечание наставника с облегчением и, как бы пользуясь его разрешением, с готовностью отвел взгляд от Фэба и того, что тот вытворял.

— Повторим еще раз, — голос Иннокентия уже звучал ровно, с довольным примурлыкиванием, как всегда. Оу обратил свой взор вниз, на стадион. Он больше не видел огромного причмокивающего пузыря. Вернее, видел не только его. Он наблюдал также мириады тонких нитей-корней, что питали пузырь, тянулись вниз, в рой слабо мерцающих маленьких точек.

— Выбери одного.

Одного... Любого. Любая точка подойдет, между ними нет никакой разницы. Взгляд Оу выцепил одну, и теперь, вместо чавкающего спрута и сети его щупалец, он смотрел на нити, распускающиеся в разные стороны от той точки. Нити были разные: одни тонкие, вычерченные четко; другие толстые и расплывчатые. Они были разных цветов и лежали как бы в разных плоскостях. Одни соединяли свой центр с другими мерцающими точками вокруг или даже простирались за границы стадиона. Другие протягивались вперед и назад, разветвляясь и переплетаясь в сложную сеть то ли ветвей, то ли тропинок.

— Есть, — почти не дыша, как будто боясь выпустить из сферы внимания эту картинку, прошептал Оу.

— Следи за каналами. Как попадание в грибницу влияет на его путь?

— Никак. Это ему не в первой, он практически живет в них. Ну умрет еще немного раньше.

— Хорошо. Другой.

Оу выхватил из матрицы мерцающих огней еще один, и вновь его взору открылась сложно-переплетенная сеть убегающих в разные стороны световых дорожек.

— Этот... теряет силу, которая могла бы ему помочь в ближайшем противостоянии. — Он... возможно умрет... — Оу даже растерялся от собственного открытия, и тут же снова получил лапой по усам.

— Судьба у них у всех такая. Еще.

Потирая лапой ушибленный нос, Оу вновь вперил свой взгляд в световой хаос внизу.

— О! Вот этот накачался, прям чуть не развалится сейчас. Ярko светится, пылает, прям, что наш Фэб.

Упоминание о черном коте явно не было в удовольствие Иннокентию, но, не подавая вида, он лишь отвернулся от ученика и продолжил:

— Влияние?

— Хм... Да он подсел. Теперь пойдет искать другую грибницу.

— Как это меняет путь до точки выполнения задачи?

— Да... ее как-то даже и не видно...

— Ищи другого.

— Аааа... А ее здесь вообще ни у кого не видно, — Оу растеряно посмотрел на наставника, как бы вопрошая, насколько верными могут быть подобные наблюдения. — Такое бывает? Иннокентий, как всегда, лишь повел плечом:

— В этом мире бывает все. Ищи того, у кого видно.

Несколько минут Оу лишь напряженно шевелил усами.

— О! Вот у этого! Все равно далековато, конечно, но хоть что-то.

— Так, что с грибницей?

— Ммм... Отдаляет. Значительно, причем, так отдаляет. И добавляет несколько ложных разветвлений, достаточно запутанных. Что совершенно логично, поскольку грибница отбирает силы, которые человек, вместо того чтобы отдавать их ей, должен был бы потратить на выполнение задачи.

— Что можно сделать, чтобы помочь ему приблизиться?

— Да грохнуть его, и все дела. Всем им здесь только гроб поможет, — последнюю фразу он договаривал уже больше себе под нос, смущаясь под строгим взглядом наставника. — Ну, ладно, ладно.

Оу задумался. Принялся сосредоточено всматриваться в разбегающиеся дорожки, ища знаки, подсказки. Думал он долго.

— Не знаю... Единственное, что я вижу, это пустыня. Может кактус ему подбросить? — Укор во взгляде Иннокентия был ему ответом. — Нууу, внушить ему мысль об отпуске, в Тунисе каком-нибудь. Телевизор может включать на программах про путешествия?

— Творчески нужно подходить к решению задач, творчески.

— Нууу... Ну, не знаю. Предположим, знакомим его с бабой. А она работает в турагентстве. И дарит ему на день рождения корпоративный календарик с красивыми фотографиями дюн. Чтобы, так сказать, они украшали его холостяцкую берлогу. И вооот...

— И вот будет он смотреть на эти дюны аж целый год, а потом успешно выбросит их в мусор и никогда о них больше не вспомнит.

Иннокентий обреченно вздохнул.

— Ладно, хватит на сегодня. В принципе неплохо. Но учиться тебе, конечно, еще и учиться.

И уже с ленцой направляясь к выходу с крыши, чуть слышно кинул себе за спину, где оставался Оу:

— Париж-Дакар. Так же просто: сломанная машина, правильно подсказанный автосервис, нужная компания, встреченная в подходящий момент. Эх, молодежь, молодежь.

Они лежали на крыше высокого здания, окруженного множеством других, и таких же высоких, и пониже, и совсем низеньких. Симфония огней, выливающих из окон этих зданий, переплеталась с тягучей огненной кровью, текущей по артериям-дорогам, и простиралась во все стороны, заполняя все видимое вокруг пространство. Это у людей называлось “мегаполис”.

Иннокентий просто наслаждался отсутствием в достаточном радиусе вокруг них какого-либо Фэба. Оу же выцепил взором где-то далеко-далеко слабую мерцающую точку и теперь всматривался в сложно-сплетенную сеть разрастающихся ветвей-дорожек, с каждым мгновением чуть-чуть меняющихся.

— Он сделал свой выбор. Неправильный. — Оу разочарованно и при этом как-то виновато вздохнул. — Он отдаляется. И я совершенно пока не понимаю, как это исправить. Все что я вижу — это какие-то непонятные цветные пятна и... женщину? Но он же еще маленький...

— Извини, но здесь тебе придется справляться самому. Это твоя миссия, — морда Иннокентия задумчиво покоилась на скрещенных лапах, а взгляд ностальгически был устремлен куда-то вдаль, за дымку огней, что колыхалась внизу. — Тебе еще многому предстоит научиться, сейчас ты действуешь практически вслепую. Не торопись. Наблюдай. Учись. Просто будь рядом.

Глаза Иннокентия закрылись, будто он собрался вздремнуть.

— И ты знаешь, дорога назад — это необязательно самый плохой путь.

Они помолчали еще, каждый сосредоточенный на чем-то своем. Когда Иннокентий вновь заговорил, глаз он по-прежнему не открывал.

— Скажи, почему тебе так важно, чтобы именно Дитер достиг точки выполнения задачи? В любом случае, когда все закончится, твой друг Уо ничего не будет помнить. А тебе, тебе какая разница, проведешь ты здесь один цикл или тысячу? Для духа это все равно, что одно мгновение. Да и не скучно, опять же. Вы же искали приключений? Почему же теперь ты жаждешь, чтобы все поскорее закончилось? А то и вообще, что тебя-то здесь держит? Я повторяю: твой друг ничего не вспомнит.

Оу отрицательно помотал головой. Вот что ему нравилось в том, чтобы быть котом, вернее, быть в коте, так это компактность средств воздействия на реальность. Дал небольшой импульс мышце — пошевелился хвост; напрягся, как будто сжимаясь — тело выгнулось дугой, готовой к прыжку. Почувствовал концентрацию агрессивной энергии — из мягких подушечек на лапах выросли когти. Все это было быстро, четко, выверено до миллисекунды. Оу так понравилось мотать головой, что он увлекся, на какое-то мгновение позабыв, а чего он, собственно, отрицает. Но потом вспомнил вопрос. И замер.

— Ты понимаешь, тот старик на Атракционе, Сторож... Он что-то такое знал, что-то нехорошее. Он вроде как просто наблюдатель, и не вмешивается, но в его взгляде было что-то, что заставило меня почувствовать... страх? Да, пожалуй, страх.

— Ну и что, что страх? Тоже само по себе весьма острое ощущение.

Оу опять покачал головой. Эх, какое же это было удовольствие — ощущение перетекания мускул под кожей и шерстью. Вот так бы и игрался с кошачьим телом, наслаждаясь такими богатыми ощущениями. Но он опять отвлекся.

— Острое ощущение — это вот тот ужас, что я пережил, когда потерял контроль над котом, а тот бросился на птицу. Это да. Вспоминать неприятно до дрожи, но, пожалуй, в этом есть какое-то особое удовольствие. И я бы, наверное, согласился пережить это еще раз. Как-нибудь. Потому что да, это просто опыт. Всплеск энергии, ограниченный в пространстве и времени. Страх же — это другое. Страх заползает в тебя, медленно, исподтишка, проникает в твою сущность и меняет тебя. Страх никуда не исчезает, он всегда в тебе, грызет, как червь, спрятанный за оболочкой. Страх — это яд медленного действия. И я не хочу жить отравленным.

— И страх этот связан именно с данной материализацией твоего друга?

— Мне кажется да. Возможно, я ошибаюсь, но пока что, я чувствую именно так. Более того, страх этот просыпается от мысли о бездействии. О моем бездействии.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.